
Виктор Алеветдинов
СОВПАДЕНИЕ!
Вы нравитесь друг другу!
Написать
Продолжить поиск
Шёлковое сердце дракона
или
Как я случайно обручилась с начальником
上海集团
SHANGHAI GROUP
CEO
总裁办公室

Виктор Алеветдинов

Шёлковое сердце дракона или как я случайно обручилась с начальником

«Автор»
2026

Алеветдинов В.

Шёлковое сердце дракона или как я случайно обручилась с начальником / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Я приехала в Шанхай ради работы мечты. Переводить приложение для знакомств, получать зарплату и держать личную жизнь подальше от начальства. Но стоило исправить одну строку — «Связать сердца навсегда», — как древняя магия приняла её за приказ.Теперь я обручена с Ли Чжэнем — человеком, который даже катастрофы предпочитает оформлять по регламенту. Между нами тянется шёлковая нить, дракон требует соблюдать романтический протокол, а офисный холодильник требует алименты.Мы договорились: помолвка фиктивная, цель — исправить сбой. Только город уже запутывается в чужих желаниях, влиятельный инвестор обещает каждому идеальную любовь, а мой невозмутимый начальник всё чаще забывает убрать руку, когда держать меня больше не обязательно.Спасти Шанхай, отменить случайную помолвку, разобраться с драконом Кажется, впервые в жизни мне страшно не то, что исправить ошибку не получится. А то, что получится.

© Алеветдинов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Шёлк, который помнил дорогу 5
Акт I. Ошибка перевода 8
Глава 1. Работа мечты с видом на катастрофу 8
Глава 2. Начальник, который улыбается по регламенту 13
Глава 3. Ошибка, которую нельзя откатить 20
Глава 4. Маленький дракон большого дедлайна 27
Глава 5. Нулевая пара 32
Глава 6. Техническая поддержка судьбы 37
Глава 7. Фиктивная помолвка версии 1.0 42
Глава 8. Родственники, инвесторы и дракон без лицензии 48
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Виктор Алеветдинов
Шёлковое сердце дракона или как я случайно обручилась с начальником

Пролог. Шёлк, который помнил дорогу

Песчаная буря началась без предупреждения: сначала пропал край неба, потом верблюды перестали спорить с погонщиками, а потом дорога, которой караван верил двенадцать дней, исчезла так тихо, будто никогда не обещала быть дорогой.

Караван шёл на запад: тюки шёлка, чай, корни, бронзовые зеркала, две клетки с курами и чиновник, который записывал убытки раньше, чем они случались. Люди держались цепочкой, но ветер был старше людей и лучше знал, как разрывать цепи. Он забивал рот песком, путал голоса, превращал «сюда» в «стой», а «мама» — в хрип.

Молодая ткачиха Линь шла в середине каравана и прижимала к груди корзину с коконами. Её взяли в путь потому, что она умела чинить шёлк так искусно, что место разрыва потом находили только завистники. Она знала: всё рвётся там, где так долго делают вид, что нить выдержит.

Когда третий верблюд лёг на колени, а первый погонщик исчез в белой пыли вместе с колокольчиком, Линь поняла, что кричать бесполезно. Буря ела крики. Тогда она вынула моток сырцового шёлка и привязала один конец к своему запястью.

— Дай руку, — сказала она мальчику-водоносу.

— Зачем?

— Чтобы, когда ты решишь умереть героически не там, где надо, я могла тебя найти.

Мальчик протянул руку.

Потом Линь обвязала торговца, погонщика, женщину с младенцем, двух братьев, споривших, кто виноват, чиновника, который потребовал объяснить правовой статус процедуры, и даже одну курицу. Курица не дала согласия, но очень громко заявила о намерении остаться жить.

Линь не тянула людей к себе. Она связывала их друг с другом — свободно, с расстоянием, оставляя слабину, чтобы каждый мог идти сам. В узлах не было власти. Только напоминание: если один упадёт, другой почувствует.

Буря становилась плотнее. Даже небо забыло, где верх. И тогда шёлк на запястье Линь дрогнул. Сначала она решила, что это ветер. Потом — что страх. Потом поняла: моток в её руках тёплый.

Нить вытянулась сама, тонкая, влажно-светлая, как только что рождённая луна. Она прошла между пальцами Линь, не обжигая, но спрашивая. Хороший шёлк всегда сначала спрашивает кожу, хочет ли та помнить прикосновение.

— Я помогу, — сказала Линь, хотя не знала кому.

Слова улетели в бурю и не исчезли.

Песок впереди разошёлся. В нём проявилась длинная тень: не зверь, не змея, не облако. Дракон вышел из самой дороги, которую все потеряли. Он был не огненный, как любят рассказывать люди, которым не приходилось тушить караван. Он был длинный, как путь между двумя городами, и тонкий, как нить между двумя обещаниями. Его чешуя была соткана из дорожной пыли, шёлка, дыхания верблюдов и слов, которые люди говорят в пути, когда не хотят умирать в одиночку: «держись», «возьми воды», «я вернусь», «не отпускай».

Караван замер. Даже чиновник перестал считать.

— Кто позвал меня? — спросил дракон.

Линь оглянулась. Все смотрели на неё.

— Я, наверное, — сказала она. — Если вы по поводу шёлка, то я не крала. Я спасала людей. Это разные статьи.

Дракон моргнул. В его глазах прошли караваны, реки, мосты, зимние перевалы и тысячи костров, у которых кто-то уступил последнюю лепёшку.

— Я питаюсь не шёлком, ткачиха. Я питаюсь обещаниями помощи.

— Тогда сегодня у вас хороший ужин.

Ветер на миг стих, будто тоже хотел послушать.

Дракон обвился вокруг каравана, но не коснулся ни одного человека без разрешения. Его тело стало дорогой — мерцающей, гибкой, тонкой. Там, где лежал песок, проступили следы прежних путников. Нити на запястьях засияли. Каждый узел ответил другому узлу.

— Идите, — сказал дракон. — Но помните: нить показывает путь только тем, кто согласился идти рядом.

— А если кто-то не согласился? — спросила Линь.

На мгновение в буре стало видно не только караван, но и все будущие города, где люди будут называть свою волю чужим счастьем.

— Тогда нить станет петлёй, — сказал дракон. — Петля тоже держит. Поэтому её часто путают с заботой. Но дорога от петли умирает.

Линь запомнила это как правило ремесла. Хорошая нить не душит ткань. Хорошая помощь заканчивается там, где начинается чужое «нет».

Они вышли из бури к утру. Караван потерял три мешка чая, одну клетку, чиновничью шапку и часть гордости. Курицу нашли последней: она стояла на холме, связанная шёлком с запястьем мальчика-водоноса, и выглядела так, будто лично победила пустыню.

Линь сняла нити с тех, кто хотел снять. Оставила тем, кто просил оставить до следующего города. А моток шёлка, из которого вышла драконья дорога, не закончился. Он свернулся плотнее, теплее, живее — в кокон размером с сердце ребёнка.

— Как тебя хранить? — спросила Линь.

— Не храни меня как вещь, — ответил дракон из кокона. — Неси меня как обещание.

— Обещания портятся, если их плохо записать.

— Тогда записывай хорошо.

На узкой полосе шёлка Линь вывела первые слова: «Дать путникам найти друг друга в пути и не удерживать того, кто дошёл». Письмо получилось неровным, потому что руки дрожали. Но сердце приняло.

С того дня кокон передавали тем, кто понимал разницу между «помочь» и «заставить». Влюблённые пытались использовать его для вечной верности и почти всегда получали лёгкий ожог гордости. Дракон не любил, когда его принимали за замок.

Прошли века. Дороги стали шире, быстрее, громче. Шёлковые тюки сменили контейнеры, караванные колокольчики — уведомления, а песчаные бури — потоки машин и люди, которые могли заблудиться в собственном телефоне у правильного выхода из метро.

Кокон пережил династии, войны, пожары и смену фамилий хранителей. Наконец шёлковое сердце оказалось в Шанхае.

В стеклянной серверной на сорок втором этаже, где воздух был холоден, как вежливый отказ, стойки мигали зелёными огоньками, а люди говорили словами «релиз», «конверсия», «пользовательское удержание» и «традиционный культурный модуль» с таким видом, будто духи древних дорог обязаны понимать квартальные показатели.

Кокон лежал в бронзовой раме между двумя рядами серверов. Иногда он тихо дышал. Иногда на его поверхности проступали старые узлы. Иногда в системных логах появлялась строка, которую программисты списывали на артефактный шум:

СОГЛАСИЕ НЕ НАЙДЕНО. СВЯЗЬ НЕ СОЗДАНА.

Никто не тревожился. Современные люди привыкли нажимать «согласен» быстрее, чем успевали подумать, с чем именно.

Шёлковое сердце терпеливо ждало. Оно помнило бурю, Линь, мальчика-водоноса, курицу-победительницу и правило, которое было старше любого интерфейса: нить нужна, чтобы не потерять друг друга в пути, а не чтобы тащить человека туда, куда ему не нужно.

А потом кто-то решил, что древнее сердце дракона отлично подойдёт для приложения знакомств.

Акт I. Ошибка перевода

Глава 1. Работа мечты с видом на катастрофу

В Шанхай я приехала за карьерой, международным опытом и возможностью наконец-то перестать объяснять родственникам, что знание китайского — это профессия, а не тревожный симптом.

Самолёт сел мягко, почти виновато. Телефон, едва поймав сеть, сообщил, что стоимость роуминга может изменить мои жизненные планы. Я отключила его, пока семейный чат требовал: «Долетела?», «Проверь договор», «Китай же почти рядом с Хабаровском, сможешь приезжать на выходные?»

Почти рядом. Всего-то пересечь страну, часовые пояса, собственный страх и пару международных границ.

Чемодан выехал последним: бордовый, огромный, с перекошенной ручкой. Он ударил меня по колену, и Шанхай начал знакомство с конкретики.

На выходе меня встретила влажность. Тёплая, плотная, деловая влажность. Через три секунды волосы, честно уложенные ещё в Хабаровске, приняли независимость. Через десять я поняла, что в Шанхае даже дыхание надо локализовать.

Такси я вызвала через приложение, которое обещало «поездку без языкового барьера». Барьер появился сразу: водитель прислал восемь иероглифов, смайлик и номер выхода, которого я не видела. Я ответила по-китайски, что стою возле колонны D. Он прислал стикер с котом, и я решила считать это подтверждением, потому что в международной коммуникации иногда приходится верить котам.

Дорога в город мелькала эстакадами, мокрыми деревьями, скутерами в дождевиках и стеклянными башнями, будто построенными не из бетона, а из дедлайнов. Шанхай не открывался медленно. Он сразу включал тебя в поток: машины, вывески, курьеры, турникеты метро, люди с кофе, люди с чемоданами, люди с лицами тех, кто уже опоздал в будущее.

Где-то среди этих башен меня ждала DragonHeart Technologies — приложение знакомств нового поколения, которое официально занималось эмоциональной совместимостью, а по версии моей подруги Кати — переводом любви на язык, где люди случайно не женятся от слова «лайк».

Некоторые шутки лучше не произносить рядом с будущим.

Офис DragonHeart находился в небоскрёбе из стекла, денег и недосыпа. В лобби пахло кофе, мокрыми зонтами и кондиционированной амбициозностью. На стене висел логотип: тонкий золотой дракон вокруг алого сердца. Хвост дракона переходил в нить, а сердце выглядело не нарисованным, а вышитым.

Под логотипом светилось: DRAGONHEART. Where destiny remembers your name.

«Где судьба помнит ваше имя».

Красиво. Опасно. Юридически скользко. У меня профессиональная деформация: я сразу вижу жалобы пользователей, письма от юристов и тех, кто принял метафору буквально. Русскоязычный пользователь, увидев «судьба помнит ваше имя», либо умилится, либо спросит, откуда приложение знает паспортные данные.

На ресепшене мне выдали временный бейдж. Моё имя было написано латиницей, иероглифами и в странной версии кириллицы: Мила Чайкйна.

— Почти, — сказала я.

— Ошибка? — испугалась девушка за стойкой.

— Нет. Пророчество. К концу испытательного срока я, возможно, именно так и буду звучать.

Лифт поднял меня на сорок второй этаж. В отражении стояла я: помятая после перелёта, с чемоданом у ноги и выражением лица «я всё контролирую», которое означало ровно обратное.

Двери открылись в офис, где люди двигались так, будто дедлайн был не датой, а хищником. Сотрудники шли с ноутбуками, кофе, лапшой и лицами тех, кто вчера уже спасал продукт и завтра снова будет его спасать.

За стеклом переговорки девушка в наушниках спокойно объясняла кому-то, что лайк бывшей двоюродному брату не обязательно означает семейный заговор.

Работа мечты, говорили они.

— Мила Чайкина?

Голос был женский, быстрый и сухой, как бухгалтерский отчёт. Передо мной стояла невысокая женщина в светло-сером костюме, с планшетом и взглядом человека, который сразу видит, сколько ты стоишь компании и когда начнёшь окупаться.

— Ван Мэй, финансовый директор. Ваш рейс задержался на двадцать две минуты, багаж — на четырнадцать, такси — на девять. Вы пришли вовремя. Подозрительно.

— Я старалась произвести хорошее первое впечатление.

— Первое впечатление редко окупается. Пойдёмте.

Она шла так быстро, будто пол подчинялся её бюджету. Я потащила чемодан следом. Колёсико стучало: «провал-провал-провал».

— У вас сегодня вводный день: документы, NDA, доступы, локализация, обзор продукта, кофе для слабых и короткое тестовое задание.

— Тестовое? Я думала, меня уже взяли.

— Взяли. Поэтому теперь можно проверить, насколько это было дорогостоящей ошибкой.

Мне она понравилась. Это было тревожно.

В переговорке Ван Мэй положила передо мной лист.

— Три минуты. Найдите, где романтическая метафора становится юридической катастрофой.

Русская версия приветственного экрана была аккуратной, местами даже красивой, но уже в первой строке у меня задёргался левый глаз: «Нажимая “Начать”, вы позволяете DragonHeart найти человека, с которым ваша жизнь будет связана навсегда».

— О, — сказала я.

— Одно «о» уже стоит нам денег?

— Потенциально. «Связана навсегда» звучит как брачное обещание, секта или кредитный договор. Лучше: «помочь найти человека, с которым вам захочется продолжить разговор». Меньше судьбы, больше согласия.

Следующая фраза была хуже: «Мы знаем, кто вам предназначен».

— Нет. Приложение не должно звучать как бабушка на свадьбе, тоталитарный режим и мошенник с доступом к геолокации одновременно.

— У нас бренд про судьбу.

— Судьба — прекрасное слово для рекламы и ужасное для кнопки согласия.

Третья фраза добила меня окончательно: «Ваши сердца уже заключили договор. Осталось подтвердить».

— Это писал юрист, который не верит в любовь, или маркетолог, который не верит в суды?

— Совместная работа. Было совещание.

— Чувствуется. «Заключили договор» до подтверждения — нельзя. Сердца не являются субъектом сделки, а пользователь не должен узнавать о своей личной жизни постфактум.

Я вычеркнула половину страницы. DragonHeart был красивым, дорогим продуктом, в котором кто-то хотел продать современным людям древнее чувство неизбежности. А неизбежность плохо дружит с пользовательским согласием.

— Вы не романтик, — заметила Ван Мэй.

— Я локализатор. Мы романтики, которые читали пользовательские жалобы.

Таймер пискнул. Ван Мэй пробежала глазами правки и позволила себе маленькую улыбку.

— Хорошо. Вы отличаете метафору от обязательства. Это редкий навык.

— В приложении знакомств?

— В жизни. В приложении просто последствия дороже.

Мы снова вышли в офисный шум. Ван Мэй называла отделы так же быстро, как шла: продукт, дизайн, ML, юристы, саппорт, локализация, Trust and Safety, культурный модуль. Последнее звучало особенно невинно, поэтому я сразу насторожилась.

У окна стояла стена с экранами: карты города, маршруты, графики совпадений. Алые точки вспыхивали и гасли над Шанхаем. Где-то люди ставили лайки, отвечали, закрывали чаты, возвращались, сомневались, писали «привет» и стирали.

Всё это было красиво. И немного страшно.

— DragonHeart анализирует маршруты, стиль сообщений, предпочтения, социальный контекст, — сказала Ван Мэй. — Плюс традиционный культурный модуль.

— Что входит в традиционный культурный модуль?

— Наследие бренда.

— Это значит «сложно объяснить инвесторам»?

— Это значит «не трогайте без разрешения Ли Чжэня».

Имя прозвучало, и ближайший дизайнер уронил стилус.

— Я что-то сказала?

— Вы спросили про часть продукта, которую курирует операционный директор.

— Ли Чжэнь?

На этот раз обернулись двое из саппорта.

— Да. Ли Чжэнь.

— Он страшный?

— Нет, — сказала Ван Мэй. — Он эффективный.

— Это хуже?

— Для некоторых — да.

Дизайнер подняла стилус.

— Он однажды вернул презентацию, потому что в ней слово «примерно» встречалось девять раз.

— На сорок шестом слайде, — добавила девушка из саппорта.

— Операционный директор, легенда и стихийное бедствие с календарём? — предположила я.

Ван Мэй посмотрела на меня почти уважительно.

— Быстро учитесь. Чжэнь сегодня у инвесторов. Вы познакомитесь позже. До этого желательно не нарушать протоколы, не обещать пользователям вечную любовь и не нажимать кнопки, помеченные красным драконом.

— Кнопки, помеченные чем?

— Красным драконом.

— Это шутка для новых сотрудников?

— Нет.

— Жаль. Хорошая была бы.

В зоне локализации на стенах висели таблицы терминов и распечатка: «НЕ ПЕРЕВОДИТЬ DESTINY КАК РОК, ЕСЛИ НЕ ХОТИТЕ ПОЛУЧИТЬ ГОТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ». Я почувствовала себя дома.

Меня представили команде и показали список задач. Первым пунктом значилось: «Проверить русскую версию ключевых романтических сценариев». Вторым: «Согласовать формулировки согласия». Третьим: «Не трогать legacy strings». Рядом краснел маленький значок дракона.

— Вот это те самые строки?

— О, legacy, — сказал француз из команды тоном, каким обычно говорят «кладбище».

— Их правда нельзя трогать?

— Они старше backend, — сказала кореянка в синих наушниках.

Команда одновременно посмотрела в сторону стеклянного коридора.

— Сейчас я покажу вам серверную, — сказала Ван Мэй.

Вот тут надо было насторожиться. В нормальных компаниях в первый день показывают кухню, туалеты и человека, который знает, где лежат маркеры. Серверную показывают либо ценным специалистам, либо людям, которых втягивают во что-то, о чём потом нельзя будет рассказать даже маме.

— Мне нужен отдельный доступ?

— Да.

— Я его уже получила?

— Нет.

— Тогда почему мы туда идём?

— Потому что если вы увидите это позже без предупреждения, то зададите больше вопросов.

— У меня уже есть вопросы.

— Поэтому мы экономим время.

Коридор оказался прохладнее офиса. За стеклянными стенами стояли серверные стойки, кабели, панели охлаждения. Всё выглядело так, как должна выглядеть технологическая компания: дорого, чисто, рационально. Почти.

В центре дальней комнаты стояла бронзовая рама. Она не вписывалась ни во что: ни в серверы, ни в стекло, ни в слово «стартап». Рама была тёмная, старинная, с резьбой: облака, дороги, маленькие фигурки людей, изгибающийся дракон. Внутри, на почти невидимых нитях, висел кокон.

Шёлковый. Большой, с человеческую голову. Цвета старого жемчуга. По поверхности шли тонкие слои, как на ткани, которую долго ткали. Внутри мерцал тёплый красный свет.

За стеклом мягко гудели серверы. Где-то далеко офис продолжал жить: сообщения, дедлайны, кофе. А здесь стоял древний шёлковый кокон в бронзовой раме.

— Это… — начала я.

— Наследственный символ бренда, — сказала Ван Мэй поспешно.

— Вы же понимаете, что именно так в фильмах называют предмет, который потом требует жертвоприношений?

— Никаких жертвоприношений. Только обслуживание, страхование и отдельная строка в бюджете.

— Он настоящий?

— Бронза? Да.

— Кокон.

Ван Мэй помолчала.

— Смотря что вы вкладываете в слово «настоящий».

Плохой ответ. Локализаторы знают: когда человек уточняет значение простого слова, он либо юрист, либо скрывает дракона.

Я подошла ближе к стеклу. Кокон висел неподвижно. На первый взгляд. Но чем дольше я смотрела, тем сильнее мне казалось, что шёлковые слои едва заметно расходятся и сходятся.

Будто он дышал.

— Мэй, — сказала я тихо. — Почему он двигается?

Она не ответила.

Красный свет внутри кокона вспыхнул, прокатился по нитям и погас. Потом поверхность снова дрогнула.

Вдох.

Выдох.

Мой временный бейдж нагрелся у груди, и золотой дракон на пластике на секунду показался не напечатанным, а живым.

Я отступила на шаг.

Ван Мэй посмотрела не на кокон, а на часы.

— Ли Чжэнь вернётся раньше, чем планировалось.

— И это важно потому, что?

За стеклом шёлковый кокон сделал ещё один медленный вдох.

Ван Мэй выдохнула почти неслышно.

— Потому что теперь он точно захочет с вами познакомиться.

Глава 2. Начальник, который улыбается по регламенту

Кокон в серверной дышал. Я стояла за стеклом с планшетом и жасминовым кофе, который на вкус напоминал попытку бариста примирить дедлайн с чайной церемонией. Шёлковая поверхность в бронзовой раме тихо втянулась — не как ткань от кондиционера, а как грудная клетка у того, кто долго молчал и наконец решил проверить, слышат ли его.

— Это нормально? — спросила я.

Ван Мэй не подняла глаз от телефона.

— В DragonHeart слово «нормально» используется только в финансовых отчётах. И то до аудита.

— Я про штуку в раме.

— Это наследственный символ бренда.

Кокон снова дрогнул.

— У вашего символа есть лёгкие.

— Если появятся, юридический отдел оформит это как расширение функционала.

За моей спиной открылась дверь. Не хлопнула, не скрипнула — уступила. Вошёл Ли Чжэнь, и я сразу поняла, почему в офисе о нём говорили как о стихийном бедствии с календарём.

Я ожидала человека-инструкцию. Реальность оказалась хуже: он был красив. Красив как дорогая вещь в музее современного дизайна — точная линия плеч, спокойное лицо, тёмный костюм, тонкие очки. Мне было бы удобнее, если бы он выглядел как корпоративный холодильник. Холодильник можно ненавидеть без внутреннего конфликта.

— Госпожа Чайкина, — сказал он по-русски.

Почти без акцента. Только «ч» получилось мягче, словно фамилию произнесли через шёлковую бумагу.

— Мила, — поправила я. — Госпожа Чайкина — это моя мама, когда я не отвечаю ей три часа.

— В рабочей коммуникации я предпочитаю официальную форму до согласования внутреннего протокола обращения.

— Меня ещё ни разу не называли несогласованным протоколом.

Ван Мэй кашлянула. Кашель был сухим, финансовым и предвещал расходы.

— Почему новый локализатор у серверной зоны без допуска уровня три? — спросил Чжэнь.

— Потому что новый локализатор видит очевидное. Например, что ваш наследственный символ бренда дышит и делает это без дисклеймера.

— Он не дышит.

Кокон сделал ещё один мягкий вдох. Чжэнь даже не повернулся.

— Система вентиляции создаёт движение волокон.

— Конечно. А если он ночью начнёт петь, это будет акустический эффект кондиционера?

— Кокон не поёт.

— Запишу как предварительную гарантию.

Уголок его губ едва изменился. Не улыбка — служебное уведомление: «Эмоция запланирована, ожидайте подтверждения в течение трёх-пяти рабочих дней».

— Ваша рабочая зона на двадцать втором этаже, — сказал он. — Доступ к серверной, архивному модулю и строкам наследственного ядра ограничен до завершения инструктажа.

— Строкам чего?

— Наследственного ядра.

— Это маркетинговый термин или юридическая дымовая завеса?

— Внутренний термин.

— Внутренние термины обычно рождаются там, где нормальное слово умерло от стыда.

Ван Мэй закрыла телефон.

— Я оставлю вас знакомиться. У меня встреча с людьми, которые считают, что слово «магия» снижает оценку компании. Они ещё оптимисты.

Она ушла. За стеклом мигали серверы, а в бронзовой раме лежал кокон с нитями, похожими на засохший солнечный свет.

— Вы видели дыхание? — спросила я тише.

— Я видел, что вы сделали вывод на основании недостаточных данных.

— Я переводчик. Мы так живём.

— В DragonHeart выводы на основании недостаточных данных делает алгоритм. Люди обязаны проверять, прежде чем давать словам ход.

— У вас тревожное разделение труда.

Вблизи его глаза оказались не чёрными, а тёмно-карими, с янтарной каймой у зрачка. Совершенно ненужная деталь. Абсолютно вредная для дисциплины.

— Вы приняты для локализации интерфейса, а не для интерпретации объектов семейного наследия.

— А если объект семейного наследия попадёт в интерфейс?

Молчание стало очень аккуратным.

— Пройдёмте.

Он привёл меня в переговорную с видом на влажный Шанхай. Передо мной лёг планшет с локализационной платформой. Таблица была мечтой и кошмаром локализатора: ID, контекст, исходная фраза, машинный перевод, юридический риск, культурный риск, эмоциональный тон.

— Русский сегмент запускается в закрытую бету через девять дней. Нужна культурно точная адаптация без изменения смысла.

— Это я умею.

— Вы исправили «найдите свою вторую половину» на «найдите человека, с которым можно договориться о завтраке».

— Потому что «вторая половина» подразумевает, что пользователь поставляется неполным комплектом.

— Маркетинг счёл фразу недостаточно романтической.

— Маркетинг не ходил на свидания с людьми, которые считают себя недостающей частью вселенной. Там быстро заканчивается романтика и начинается логистика.

Опять этот микросдвиг у губ. Как будто улыбка подошла к двери и не прошла контроль доступа.

— Поэтому вы здесь. Но некоторые строки не подлежат редактированию.

— Нередактируемые строки в локализации — как несъедобные пельмени.

— Эти строки являются частью традиционного культурного модуля.

— А вот теперь мне стало страшно.

Он коснулся экрана. Таблица прыгнула к блоку с маленьким красным драконом. Значок был излишне красивым для служебной метки.

Первая строка всплыла в предпросмотре:

YOUR DESTINY WILL BE BOUND WITHIN 3–5 BUSINESS DAYS.

Русский машинный перевод под ней с готовностью человека, не отвечающего за последствия, сообщал:

ВАША СУДЬБА БУДЕТ СВЯЗАНА В ТЕЧЕНИЕ 3–5 РАБОЧИХ ДНЕЙ.

— Нет, — сказала я.

— Что именно?

— Всё. Русскоязычным пользователям нельзя писать «ваша судьба будет связана в течение трёх-пяти рабочих дней».

— Почему?

— Потому что это звучит как угроза из МФЦ. Или как брачное проклятие с доставкой.

— Исходная фраза имеет благоприятный смысл. В исходной системе.

— На каком языке?

— В классическом варианте — на старом письме семьи Ли.

— Прекрасно. Пользователь из Новосибирска точно оценит нюанс, когда приложение пообещает связать его судьбу до пятницы.

В комментарии к строке стояло: «Не менять метафору связывания. Не менять образ судьбы. Не менять временной интервал. Красный дракон — согласование с Л.Ч.»

— Л.Ч. — это вы?

— Да.

— Вы лично запретили менять «судьбу по графику»?

— Я запретил нарушать структуру наследственных формулировок.

— Пользователь видит не структуру, а текст. Текст говорит: «мы вас свяжем». Пользователь не знает вашей семейной системы, он знает кнопку, экран и собственный страх, что кто-то снова всё решил без него.

— Наши тесты показывают высокий уровень эмоционального отклика.

— У людей, которых вы спросили, или у людей, которых вы уже связали?

Он чуть наклонил голову.

— Вы часто строите аргументацию на провокации?

— Только когда нормальные доводы не успевают добежать до собеседника. «Судьба» — большое слово. «Связать» — ещё большее. «Навсегда» я бы держала в запертом шкафу. А «в течение трёх-пяти рабочих дней» превращает романтику в госуслугу.

— В исходной традиции время важно.

— Тогда его надо объяснить или заменить на живой образ. «Мы поможем вам найти того, с кем вы захотите продолжить разговор». Это не пугает.

— Неубедительно.

— Зато не похоже на уведомление от древнего коллекторского агентства.

На этот раз он почти улыбнулся. Улыбка появилась, посмотрела на нас, оценила риски, решила не связываться с руководством и ушла.

Демонстрационная комната была устроена так, чтобы инвесторы чувствовали себя умными и слегка необходимыми миру: мягкий свет, огромный экран, логотип DragonHeart на стене — дракон из красных линий вокруг сердца.

— DragonHeart использует многофакторную модель совместимости, — сказал Чжэнь.

На экране две точки на карте города шли разными маршрутами и пересекались у чайной лавки.

— Поведение, голосовые реакции, темп ответа, маршруты, покупки, предпочтения в еде, календарные привычки и качество пауз в переписке.

— Качество пауз?

— Некоторые отвечают поздно, потому что заняты. Некоторые — потому что избегают близости.

— А если человек забыл телефон в такси?

— Для этого есть поправка на хаос.

— Очень рада, что меня математически признали.

Тестовый профиль уже ждал меня на телефоне: Mila_C, 27, локализация, Шанхай, интересы — языки, чай, длинные прогулки, «сарказм как способ адаптации». DragonHeart предложил вопросы с вариантами такой точности, что хотелось посоветовать пользователям отпуск.

Например: написать ещё раз, сделать вид, что всё равно, удалить переписку вместе с памятью или проверить, не случилось ли у человека совещание.

Я выбрала совещание. Не потому, что была зрелой, а потому что сидела рядом с человеком, у которого любое молчание наверняка было связано с совещанием.

Следующий вопрос был хуже: «Что для вас важнее в отношениях?» Среди ответов внезапно появился вариант: «Чтобы человек не называл эмоциональную близость протоколом».

— Этого варианта раньше не было, — сказал Чжэнь.

— Приложение обучается на живом опыте. Поздравляю.

Он забрал телефон. На экране возле моего профиля мигнул маленький красный дракон. Мигнул — и исчез.

— Это нормально?

— Да.

— У вас очень широкое «да».

— Это служебный индикатор.

— У служебного индикатора был взгляд.

— У значков нет взгляда.

— Сказал человек, который хранит дышащий кокон как бренд-символ.

Чжэнь выключил телефон поспешно.

— Традиционный культурный модуль усиливает рекомендации через архив семейных формул совместимости.

— Архив семейных формул совместимости — это база данных или причина, по которой ваши родственники звонят по воскресеньям?

Он посмотрел на меня.

— И то и другое.

Ответ прозвучал так сухо, что я не сразу поняла: это была шутка. Настоящая. Маленькая. Завёрнутая в деловой костюм.

Я рассмеялась раньше, чем успела остановиться.

— Пользователь видит только результат, — сказал он.

— Вот это меня и тревожит. Пользователь должен понимать, на что соглашается.

— Он соглашается на подбор совместимости.

— Нет. Он соглашается на текст, который вы ему показали. Если текст обещает «связать судьбу», пользователь соглашается на страшную поэзию, а не на подбор пары.

— Вы придаёте словам чрезмерное значение, госпожа Чайкина.

Я замолчала. Это было худшее, что можно сказать переводчику после фразы про судьбу в рабочие дни.

— Слова — мой участок ответственности. Если на экране написана чушь, человек доверяет или не доверяет именно ей. Не вашей модели. Тексту.

— Некоторые фразы нельзя менять, — сказал Чжэнь.

— Почему?

— Потому что они работают.

— В маркетинге?

— Глубже.

Он произнёс это так, будто слово «глубже» находилось не в презентации, а под полом серверной, рядом с тем, что дышало.

Слово повисло между нами. За стеклом жил обычный офис: ноутбуки, стаканы чая, бейджи с красным драконом. Но в этой обычности было что-то спрятано.

Чжэнь открыл список строк с красным драконом:

«Ваши пути уже ближе, чем кажется».

«Сердце узнаёт сердце до первого слова».

«Согласитесь на мягкое связывание намерений».

«Доверьтесь древнему модулю совместимости».

— Нет, — сказала я снова. — «Мягкое связывание намерений» звучит как процедура, после которой человеку выдают талон и психологическую травму.

— Предложите вариант.

— «Мы покажем, где может начаться разговор».

— Расплывчато.

— Добро пожаловать в человеческие отношения.

— Продукт должен давать обещание.

— Продукт знакомств должен давать возможность. Обещания дают люди.

Он посмотрел на меня так, будто я произнесла пароль от комнаты, которую он давно запер.

— Обещания людей ненадёжны.

— Поэтому вы решили поручить их приложению?

— Я решил запустить продукт с минимальным уровнем хаоса.

— То есть да.

Мы стояли опасно близко к экрану и друг к другу. Не романтически близко. Рабоче. Так близко стоят люди, которые спорят над таблицей и делают вид, что не замечают собственную глупую реакцию на чужой голос.

— Мила, — сказал Чжэнь.

Официальная форма раздражала. Имя в его голосе раздражало сильнее, потому что в нём внезапно стало меньше стекла.

— Вы можете редактировать все строки русского интерфейса, кроме строк, помеченных красным драконом.

— Нет.

— Это не просьба.

— А это не локализация.

— Это условие работы.

— Тогда условие работы противоречит задаче работы.

Он выпрямился.

— Строки красного дракона согласованы на уровне основателей, совета директоров и семьи Ли. Любое изменение может нарушить смысловую целостность модуля.

— Смысловая целостность модуля уже нарушает здравый смысл.

— Вы не понимаете контекста.

— Так дайте мне контекст.

— Нет.

Короткое слово ударило сильнее длинной лекции.

— Вы наняли меня, чтобы я делала текст понятным. Но запрещаете трогать самые опасные строки.

— Я нанял вас, чтобы вы адаптировали продукт, не разрушив его основу.

— Если основу нельзя объяснить пользователю, может быть, проблема в основе?

Он молчал.

— Ли Чжэнь, я не буду подписываться под текстом, который превращает романтическую метафору в юридически сомнительную удавку.

— Вы не подписываетесь. Это корпоративный интерфейс.

— Именно. Пользователь не узнает, кто виноват. А я буду знать.

В его взгляде было раздражение. И оценка. И что-то ещё — короткое, почти незаметное, будто он не ожидал, что я упрусь именно здесь.

— У вас девять дней. Работайте с доступными строками. Красный дракон остаётся без изменений.

— Вы понимаете, что словами «красный дракон остаётся без изменений» только что сделали всё хуже?

— Это прямой запрет.

— Запреты плохо влияют на людей, которые приехали в другую страну доказывать профессиональную состоятельность.

— Рассматривайте это как границу ответственности.

— Я рассматриваю это как красную тряпку. В форме дракона.

Он взял планшет из моих рук. На секунду наши пальцы коснулись края корпуса. Ничего не произошло. Конечно, ничего. Только кожа почему-то запомнила тепло его пальцев.

— Ваша учётная запись будет активирована через десять минут. Доступ к закрытым файлам наследственного ядра не предоставляется. Вопросы по красным строкам направляйте мне письменно.

— Чтобы вы письменно отказали?

— Чтобы остался след согласования.

— Романтика вашего продукта начинает многое объяснять.

Он открыл дверь.

— Добро пожаловать в DragonHeart, Мила.

Это прозвучало как приглашение и предупреждение одновременно.

На рабочем месте меня ждал ноутбук, бейдж и приветственная коробка: блокнот, ручка, наклейки с драконом, пакетик лонганов и открытка:

МЫ ПОМОГАЕМ СЕРДЦАМ НАЙТИ ДРУГ ДРУГА.

Ниже мелким шрифтом было напечатано:

Пожалуйста, не изменяйте строки, помеченные красным драконом, без письменного разрешения ответственного хранителя.

Ответственного хранителя.

Я вошла в систему. Ван Мэй проходила мимо с лицом человека, который уже мысленно поставил моё упрямство в таблицу рисков.

— Жива?

— Формально.

— Хороший результат после первой встречи с Ли Чжэнем.

— Он всегда такой?

— Нет. Иногда он ещё вежливее.

— Это угроза?

— Это корпоративная культура.

Она ушла, а я десять минут честно правила обычный интерфейс. «Мы нашли совпадение» звучало механически. «Вам подходит этот человек» — нагловато. «Попробуйте начать разговор» — уже лучше.

В правом верхнем углу вспыхнуло уведомление:

СИНХРОНИЗАЦИЯ ДОСТУПОВ ЗАВЕРШЕНА.

Потом ещё одно:

АРХИВНЫЙ ФАЙЛ ДОБАВЛЕН В ВАШУ ОЧЕРЕДЬ ЛОКАЛИЗАЦИИ.

Файл назывался:

legacy_heart_ru_draft_locked_final_FINAL_2_use_this_one.

Ничто не говорит о древнем наследии убедительнее, чем файл с двумя final в названии.

Рядом стоял красный дракон. Доступ должен был быть закрыт.

Я посмотрела в сторону стеклянного кабинета Чжэня. Он стоял у окна, разговаривал по телефону и смотрел на город. Красивый офисный холодильник, чтоб его.

Правильный человек не открыл бы файл. Профессиональный человек сообщил бы о сбое доступа. Мудрый человек вспомнил бы, что только что получил прямой запрет от начальника, который умеет улыбаться по регламенту, и что некоторые запреты существуют не для красоты интерфейса.

Я была локализатором.

Я открыла файл.

Экран на секунду потемнел. Потом появилась одна строка. Без контекста, без комментария, без юридического риска. Только исходный текст на старом китайском, английская пометка, машинный русский и пустое поле, которое выглядело так невинно, как выглядят все места, где потом начинается катастрофа.

А ниже — фраза, от которой у меня по запястью прошёл холодок, тонкий, как шёлковая нить.

СВЯЗАТЬ СЕРДЦА НАВСЕГДА.

Глава 3. Ошибка, которую нельзя откатить

В половине одиннадцатого вечера офис DragonHeart перестал изображать живой организм и превратился в аквариум, из которого забыли выпустить сотрудников.

Я сидела за столом и убеждала себя, что ночная переработка — не тревожный знак, а международный опыт.

Не редактируйте строки, помеченные красным драконом.

Я не редактировала. Почти.

Технически я даже уважала красного дракона сильнее, чем некоторых руководителей среднего звена. Но завтра утром должна была быть демонстрация русскоязычной версии инвесторам, а русская сборка предлагала пользователю «плавно пережить судьбоносное соитие профилей». После такого инвесторы могли не дать денег из милосердия.

Я старалась не смотреть в сторону серверной.

Она находилась в конце коридора, за матовым стеклом. Внутри мигали синие индикаторы стоек, а в центре, в бронзовой раме, висел шёлковый кокон. Компания называла его «традиционным культурным модулем совместимости». Чжэнь произносил это так ровно, что хотелось немедленно вызвать переводчика с человеческого.

Кокон дышал.

Я открыла следующую строку.

DH_MATCH_PROMISE_LEGACY_RU.

Рядом стояла маленькая красная пиктограмма дракона.

— Нет, — сказала я монитору. — Мы с тобой культурные люди. Я тебя видела.

Строка моргнула. В колонке исходного текста было сразу три слоя: классический китайский, маркетинговый английский и машинный русский, который выглядел так, будто его переводили через чайник.

«#########».

Softly guide hearts toward mutual recognition.

«Мягко направить сердца к взаимному распознаванию без изъятия их движения».

Я потёрла переносицу.

— Без изъятия их движения. Романтика для тех, кто читал инструкции к лифту.

Над строкой висел комментарий от пользователя L.Z.:

DO NOT MODIFY. LEGACY CORE COPY.

Я навела курсор на поле русского перевода и честно ввела:

«Мягко направить сердца к взаимному распознаванию».

Фраза была точной. Бережной. Профессиональной.

И абсолютно мёртвой.

Телефон завибрировал.

Li Zhen:

Вы ещё в офисе?

Я посмотрела на время. Потом на красного дракона. Потом на серверную.

Mila:

Проверяю русскую локализацию к демо.

Три точки появились сразу, исчезли, появились снова.

Li Zhen:

Не трогайте строки legacy core.

Mila:

Я знаю.

Я не самоубийца. Я локализатор.

Li Zhen:

Иногда это близкие профессии.

Я фыркнула. Это была почти шутка.

Поле перевода всё ещё ждало.

Я посмотрела на китайскую строку ещё раз. «Вести сердца к взаимному распознаванию, не отнимая их пути». Смысл был хороший. Даже очень. Но интерфейс не выдерживал его целиком.

Мне нужна была демо-формулировка. Не продакшен. Staging. Временный слой, который завтра можно будет обсудить, согласовать.

Я ввела:

«Связать сердца навсегда».

Фраза легла в интерфейс подозрительно хорошо. Коротко, звучно, продающе, с ровно той степенью опасного пафоса, которую маркетологи называют «эмоциональным обещанием», а юристы — «мы предупреждали».

Я сказала себе: это временная строка. Комментарий к демо. Русский предпросмотр. Никакой древний кокон не должен читать QA-сборки.

Кокон в серверной тихо шевельнулся.

Я замерла.

— Не надо, — сказала я, не поворачивая головы. — Это совпадение.

Интерфейс предложил сохранить изменения. Кнопка была зелёная, дружелюбная и лишённая моральных сомнений.

SAVE TO STAGING.

Я нажала.

Экран мигнул.

— Нет.

Под плашкой возникла ещё одна строка:

Rollback unavailable: vow already witnessed.

— Нет-нет-нет.

Я ударила по Ctrl+Z. Интерфейс послушно вернул старую фразу. На одну секунду я успела выдохнуть. Потом старые слова осыпались с экрана тонкой светлой пылью и сами собрались обратно:

«Связать сердца навсегда».

Серверная за стеклом вспыхнула.

Не как аварийная лампа. Мягко. Тепло. Странно живо. В бронзовой раме кокон налился золотистым светом, и этот свет не отражался на стекле, а просачивался сквозь него, как запах. В офисе вдруг пахнуло старым сундуком, дождём на пыльной дороге и горячим металлом после грозы.

На мониторах вокруг, которые должны были показывать графики удержания пользователей, появились линии. Тонкие, красновато-золотые, они расходились от одного центра — от серверной — и уходили через схемы сети в карту города. Пудун. Набережная. Старый квартал. Станции метро. Ночные улицы. Пользовательские устройства.

Дверь серверной щёлкнула.

Пока я выбирала между честностью и карьерным выживанием, из серверной донёсся тихий шорох. Так шуршит ткань, когда её разматывают осторожные пальцы.

Я подошла к стеклянной двери.

Замок горел зелёным, хотя доступ к серверной мне вчера не выдали. На панели вместо стандартного «Authorized» светилась надпись:

Переводчик смысла допущен.

— Спасибо, — сказала я панели. — Очень некстати.

Дверь открылась.

Кокон в бронзовой раме больше не дышал тихо. Он пульсировал.

Нити выходили из него десятками, сотнями. Они не рвали ткань — скорее проступали из неё, как свет из-под век. Одни вплетались в кабели под полом, другие тянулись к стойкам, третьи проходили прямо сквозь стекло и исчезали в ночи. За окном они ложились поверх Шанхая: не касаясь зданий, но соединяя их тонкими маршрутами, будто кто-то накинул на город старую карту караванных дорог.

На ближайшем серверном экране открылась консоль.

DRAGONHEART LEGACY MODULE

semantic vow detected

locale: ru-RU

binding mode: eternal

consent map: incomplete

compensating route: citywide search

— Нет, — сказала я. — Никакого citywide. Мы с тобой в staging.

Консоль ответила:

STAGING = подготовка к явлению.

— Это не перевод. Это издевательство.

Нить коснулась моего бейджа, где было написано MILA CHAIKINA / LOCALIZATION, и аккуратно подсветила слово LOCALIZATION.

На мониторе возник вопрос:

Формулировка принадлежит тебе?

Я могла бы соврать. Мне очень хотелось.

— Технически, — сказала я, — адаптация принадлежит рабочему процессу.

Монитор подумал.

Ложь распознана как деловая вежливость.

— Эй.

Формулировка принадлежит тебе?

— Да. Я её написала. Но я имела в виду интерфейс.

Кокон вспыхнул ярче.

Интерфейс принят как место клятвы.

— Нет, интерфейс — это место, где люди нажимают кнопки, не читая условия!

Клятва принята с низким уровнем чтения условий.

Я наконец отправила Чжэню первое честное сообщение:

Mila:

Я тронула legacy core.

И сразу второе:
Mila:

Но не продакшен. Кажется, кокон не согласен.
Сообщения остались с одной серой галочкой.
На панели безопасности у двери мигнуло лицо ночного охранника. Господин Сун, высокий мужчина с круглым добрым лицом, приложил карточку снаружи.
— Мисс Мила? — его голос прошёл через интерком. — Всё хорошо? Система показала… романтическую тревогу.
— Что показала?
— Романтическую тревогу. У нас для этого нет инструкции. Есть пожарная, медицинская, протечка, агрессивный посетитель. Романтической нет.
— Откройте протечку, — сказала я. — Будем считать, что у нас протекла метафора.
Дверь разблокировалась сама раньше, чем он успел нажать кнопку.
— Это часть теста? — спросил он с надеждой.
— Если да, я не прошла.
Его телефон пискнул.
Господин Сун достал телефон, нахмурился, потом покраснел.
DragonHeart

Совместимость обнаружена!

Сун Цзяньго + Кофейный автомат северного лифта

97%

Причина: он понимает ваши ночные потребности.
Я перечитала три раза.
— Кофейный автомат.
— Он всегда даёт мне без сахара, — тихо признался господин Сун. — Хотя я нажимаю с сахаром.
Из коридора донеслось бодрое бульканье.
На табло кофейного автомата появилась надпись:
Сун Цзяньго, вы пугающе часто выбираете горькое.

Я запомнил.
Господин Сун сглотнул.
— Это очень внимательная машина.
— Не поощряйте её. У нас и так проблемы с границами.
Из серверной консоли пришло новое сообщение:
Первое сопряжение успешно.

Потребность обнаружена.

Недосказанность усилена.
— Какая недосказанность между человеком и кофейным автоматом?
Я бросилась к своему ноутбуку. На главном экране DragonHeart уже открылась панель рассылок. Пользовательская база, тестовые аккаунты, внутренние сотрудники, ночные активные пользователи — все сегменты подсвечивались золотым.

Я нажала аварийную остановку кампании.
SYSTEM PAUSED.
На одну секунду линии на карте замерли.
Потом под кнопкой появилась вежливая приписка:
Пауза признана формой ожидания.

Ожидание усиливает связь.
— Я ненавижу поэзию в интерфейсах.
Administrator approval required:

Li Zhen.
— Конечно. Потому что в любой катастрофе должен быть красивый мужчина с правами администратора.
Телефон завибрировал.
Li Zhen:

Что именно значит «кокон не согласен»?
Mila:

Кратко: русская фраза сохранилась сама. Серверная светится. Нити ушли в город. Охранник совместим с кофейным автоматом на 97%.
Три точки появились мгновенно.
Li Zhen:

Вы шутите?
Mila:

Я бы хотела жить в мире, где это хорошая шутка.
Li Zhen:

Ничего не трогайте. Я еду.
Mila:

Я попробую остановить рассылку.
Ответ пришёл почти грубый для Чжэня:
Li Zhen:

Нет. Вы уже попробовали.
И тут пуши пошли волной.
На карте Шанхая одна золотая линия стала десятью, десять — сотней. Они не были хаотичными. Это пугало сильнее всего. Нити шли уверенно: к ночным магазинам, к станциям метро, к домам, где кто-то не спал, к телефонам, на которых люди держали незаконченные сообщения, неотправленные признания, старые фотографии и новые анкеты.
Серверная не выглядела сломанной.
Она выглядела довольной.
Я вернулась к консоли и написала:
Cancel binding.
Ответ появился сразу:
Отмена невозможна без правды.

— Какая правда тебе нужна?

Правда формулировки.

Я посмотрела на свою строку. «Связать сердца навсегда». Три слова, которые десять минут назад казались рабочим компромиссом, а теперь лежали в центре системы, как кирпич на педали газа.

Я набрала:

«Помочь сердцам найти друг друга».

Экран мигнул.

Недостаточно. Исходное обещание сильнее исправления.

— Потому что «навсегда»?

Потому что ты выбрала красивее, чем точнее.

Я снова открыла чат Чжэня.

Mila:

Система пишет, что отмена невозможна без правды. Это стандартная ошибка?

Li Zhen:

Нет.

Через секунду:

Li Zhen:

Выйдите из серверной.

Я оглянулась.

Нити уже добрались до порога. Они не касались меня, но образовали вокруг ног тонкий круг, почти невидимый на белом полу. Не ловушку. Скорее вопрос, заданный без слов.

Mila:

Поздно и для этого.

На этот раз отправила.

Где-то далеко внизу, за стеклом, город продолжал жить: такси ползли по мокрым улицам, люди выходили из метро, кто-то покупал лапшу в ночной забегаловке, кто-то пролистывал анкеты в приложении, кто-то держал палец над кнопкой «написать» и не решался. Я вдруг ясно представила, как у всех этих людей на экране появляется моя фраза. Не осторожная, не точная, не честная. Красивая.

Связать сердца навсегда.

— Это была не команда, — сказала я кокону. — Это была локализация.

На центральном мониторе проявился ответ:

Слово есть действие.

Господин Сун осторожно поднял руку.

— Мисс Мила?

— Да?

— Если это ошибка, почему оно дало мне кофе лучше, чем обычно?

Я открыла рот. Закрыла.

В этом и была самая подлая часть происходящего. Магия не выглядела злой. Она делала внимательные, почти добрые вещи. Давала охраннику кофе без сахара, потому что он устал притворяться, что любит сладкое. Подсвечивала неотправленные сообщения. Находила потребности.

Просто не спрашивала, можно ли.

— Потому что иногда ошибка попадает в больное место, — сказала я. — От этого она не становится правильной.

Мой телефон, ноутбук, демонстрационный планшет и даже экран кофейного автомата одновременно вспыхнули.

DragonHeart

Поздравляем!

Ваша судьба успешно связана.

Сначала я подумала, что это общее уведомление. Системное. Для тестовой группы. Для кого угодно.

Потом телефон в моей руке нагрелся, и под сообщением появилась тонкая золотая нить. Она вышла прямо из стекла, обвила край чехла, коснулась моего запястья и исчезла под кожей не болью, а коротким теплом — как если бы кто-то на секунду взял меня за руку и сразу отпустил.

На экране появилась вторая строка.

Исходная пара определяется.

Я перестала дышать.

Двери лифта в конце коридора раскрылись.

В пустом ночном офисе прозвучали быстрые шаги. Очень ровные. Очень сердитые. Очень знакомые.

Я подняла глаза как раз в тот момент, когда Ли Чжэнь вышел из лифта без пальто, с расстёгнутым воротом рубашки и лицом человека, который уже знал, что мир рушится, но всё равно собирался начать с протокола.

На его телефоне светилось то же самое уведомление.

Поздравляем!

Ваша судьба успешно связана.

Глава 4. Маленький дракон большого дедлайна

Утром DragonHeart Technologies выглядела так, будто ночью в офисе прошли тимбилдинг, тревога и свадьба трёх отделов.

Я пришла в девять ноль семь с кофе, который на вкус напоминал горячее сожаление, и с надеждой, что вчерашний пуш оказался багом. Офис сразу доказал: надежда — тоже пользовательская ошибка.

У ресепшена HR-директор Сунь Юй разговаривала с телефоном так, как обычно разговаривают с бывшими.

— Нет, господин Ма, приложение не может назначить вас моим жизненным партнёром только потому, что я трижды заказывала у вас кактусы для переговорных.

— Ваши кактусы засыхали без моей любви! — возмутился телефон.

— Они засыхали без полива.

У её запястья дрожала тонкая шёлковая ниточка. Не декоративная, а живая, светлая, как волосок, поймавший солнце. Она уходила в экран телефона и терялась в динамике.

У стола разработки главный инженер Линь Вэй отбивался от видеозвонка с бывшей учительницей. DragonHeart подсказал: «Совместимость: 88%. Основание связи: незавершённое чувство вины за контрольную по математике, 2004 год».

— У вас глубокая совместимость, — не удержалась я.

— Я написал кеш для пятнадцати миллионов пользователей.

— А деление столбиком?

Из кухни донёсся низкий гул. На дверце офисного холодильника с магнитом «Счастье любит порядок» светилось: «Обнаружены забытые обеды с эмоциональной задолженностью. Требуется участие ответственных лиц».

— Он требует алименты, — сообщила Ван Мэй, финансовый директор. — За семь контейнеров лапши, три салата и суп с признаками разумной жизни.

Холодильник пискнул. На дверце проступила строка: «Пользователь Чжан Бо обещал вернуться после обеда. Не вернулся. Связь активирована».

Из толпы виновато вынырнул мужчина из маркетинга.

— Я говорил это супу, чтобы не выбрасывать.

— Вы дали обещание пищевому объекту в зоне действия артефакта, — сказала Ван Мэй. — Поздравляю. По расходной классификации вы теперь либо хранитель, либо отец.

Я поставила кофе на стол. Вчерашний кокон вспыхнул в памяти: старый шёлк, бронзовая рама, дыхание среди серверного холода. Я помнила, как изменила фразу. Не помнила, чтобы подписывалась на воспитание холодильника.

— Где Ли Чжэнь?

— На пути из лифта, — ответила Ван Мэй. — Судя по скорости шагов, сейчас будет корпоративная казнь без права апелляции.

Чжэнь появился через минуту: чёрный костюм, безупречная рубашка, лицо человека, который в случае конца света сначала проверит календарь. Он шёл быстро, но не бежал. Это было хуже: паника уже получила от него письменный отказ.

Опенспейс притих. Даже холодильник перестал гудеть.

— Госпожа Чайкина.

Я бы предпочла «Мила». Или «вы уволены».

— Доброе утро. Хотя у нас, кажется, разные требования к слову «доброе».

— Вы редактировали строку с красным драконом.

— Технически я локализовала.

— Без согласования.

— Без комментариев.

— Я дал прямой запрет.

— Вы дали прямой запрет трогать «древние фразы», не объяснив, что одна из них подключена к живому артефакту в продакшене.

Ван Мэй подняла планшет:

— В защиту Милы: хранить мистическую сущность в продакшене без риск-матрицы действительно безответственно.

— Это семейный модуль, — сухо сказал Чжэнь.

— Это семейный модуль, который выставил холодильнику алиментный счёт. В бухгалтерии такие аргументы не проходят.

Чжэнь снова посмотрел на меня. Под его спокойствием было что-то тёмное и собранное, как гроза, которую попросили заполнить форму заявки.

— Нужно изолировать систему. Остановить рассылку, закрыть модуль, отключить внешние интерфейсы и удалить изменённую строку из релиза.

Слово «удалить» ударило неприятно. В нитях на запястьях сотрудников было что-то непозволительно живое, чтобы обращаться с этим как с лишним пробелом в JSON.

— А если удаление не сработает?

— Должно сработать.

— Это не ответ. Это молитва человека с доступом администратора.

— Вы предлагаете не отключать сбой?

— Я предлагаю сначала понять, что именно мы включили.

— Мы?

— О, простите. Я включила. Вы просто держали древний шёлковый кокон рядом с серверами и назвали его культурным модулем.

Холодильник пискнул одобрительно.

Чжэнь сделал шаг ближе. Не угрожающе. Просто так, что я увидела тёмные круги под его глазами. Значит, он тоже не спал.

— За последние сорок минут DragonHeart отправил одиннадцать тысяч уведомлений, — сказал он тише. — У трёхсот пользователей появились физические нити. Один таксист везёт клиентов не в аэропорт, а к «судьбоносному адресу». Если мы не остановим систему сейчас, это станет городским инцидентом.

— Тогда тем более надо понять правило. Если сердце реагирует на слова, грубое удаление может выглядеть как ещё одно обещание. Или отказ. Или разрыв без согласия.

Он замолчал. Не потому, что согласился. Потому что услышал слово «согласие».

В этот момент чайник на кухонной стойке щёлкнул.

Обычный электрический чайник со синей подсветкой перестал кипятить воду и начал завивать её тонкими спиралями пара. Пар поднялся, свернулся над крышкой в серебристый клубок и вытянулся в длинную мордочку с усами.

— Протокол счастья активирован, — торжественно сказал пар.

Сунь Юй выронила телефон. Линь Вэй захлопнул ноутбук перед лицом учительницы Цао. Холодильник мигнул: «Свидетель».

Паровая мордочка чихнула, обрела рожки, лапы, хвост и важный животик размером с булочку. Через секунду на чайнике сидел маленький дракон — не больше офисного кота, если бы кот питался дедлайнами.

— Доброе утро, временно свободные пользователи, — объявил дракон. — Я Лун-Лун, исполнительный аватар Шёлкового сердца, младший хранитель маршрутов и кандидат на должность директора по счастью.

— Зарплатные ожидания? — уточнила Ван Мэй.

— Печенье, лонганы и право присутствовать при драматических разговорах.

— Печенье дешевле опциона. Продолжайте.

Чжэнь закрыл глаза на одну секунду. Для него это, видимо, было аналогом крика.

— Лун-Лун. Ты не должен проявляться перед сотрудниками.

— Неверно, хранитель с пониженной эмоциональной прозрачностью. Я должен проявляться при успешном запуске протокола. Запуск успешен на триста двенадцать процентов.

— Это сбой.

— Это масштабирование.

— Это катастрофа.

— Катастрофа — негативно окрашенное слово для внезапного роста вовлечённости.

Я смотрела на дракона и пыталась удержать в голове факты. Он существовал. Он разговаривал как древний дух, прошедший стажировку в отделе продуктового роста. Он называл Чжэня хранителем, и Чжэнь не выглядел удивлённым.

— Вы знали, что он там?

— Не в таком виде.

— В каком знали? В виде пара? Стикера? Ошибки в логах, которую нельзя показывать инвесторам?

Лун-Лун спрыгнул с чайника, поскользнулся на капле воды, но сделал вид, что это часть древнего ритуала.

— Новая переводчица формулирует остро. Рекомендую удерживать рядом для улучшения пользовательских клятв.

— Никто никого не удерживает, — одновременно сказали мы с Чжэнем.

— Прекрасный синхронный отказ, — просиял дракон. — Начальный уровень совместного отрицания высокий.

Мне срочно понадобилось сесть, но перед начальником, финансовым директором и драконом это был плохой карьерный ход.

— Лун-Лун, объясни, что произошло после изменения строки, — сказал Чжэнь.

— С радостью. Требуется печенье.

— Объясни сначала.

— Низкая мотивационная среда.

Ван Мэй достала миндальное печенье и положила одно на стойку. Дракон торжественно наступил на него лапой.

— Акт первичного кормления принят. Шёлковое сердце получило обновлённую формулу: «связать сердца навсегда». Формула была внесена в рабочий интерфейс, подтверждена системой и произнесена переводчицей с намерением сделать красиво.

— С намерением сделать понятно.

— Красиво и продающе. Я слышал. У меня хороший слух на самообман.

— И сердце начало искать совместимых?

— Нет. Совместимость — бедная метрика для ленивых оракулов. Сердце связывает не тех, кто подходит. Оно связывает тех, между кем осталось недосказанное.

В офисе стало так тихо, что внутри холодильника что-то булькнуло с нравственным превосходством.

— Недосказанное? — спросила я.

— Непроизнесённое обещание. Невозвращённая благодарность. Спрятанная обида. Страх спросить. Фраза, которую человек проглотил, а она не переварилась.

Сунь Юй побледнела и посмотрела на телефон. Линь Вэй приоткрыл ноутбук; из щели донеслось суровое: «Я знала, что ты можешь лучше». Он тут же захлопнул крышку.

— Тогда холодильник? — спросила Ван Мэй.

Холодильник гордо мигнул.

— Обещания возвращаться к еде — тоже обещания, — сказал Лун-Лун. — В старые времена люди уважали рис.

— В старые времена рис не подавал иск о содержании, — пробормотала я.

— Поэтому старые времена были духовно устойчивее.

Чжэнь опёрся ладонью о край стойки.

— Как разорвать связи?

— Правдой.

— Технически.

— Правда — древняя технология с высокой обратной совместимостью.

Дракон откусил печенье и осыпал стойку крошками.

— Нити нельзя удалить как запись. Если удалить запись без правды, недосказанное найдёт новый интерфейс. Иногда громче. Иногда с участием родственников.

Я посмотрела на ниточку у запястья Сунь Юй. Если связь тянулась не к «идеальному партнёру», а к не сказанному вовремя слову, утренняя клоунада переставала быть просто клоунадой. Людей поймали собственные мелкие долги перед жизнью.

И меня, возможно, тоже.

Чжэнь смотрел на дракона с таким лицом, будто закрытая дверь открылась сама, а за ней стояло прошлое.

В этот момент завибрировал мой телефон. Потом телефоны у всех вокруг — волной, как если бы по офису прошёл невидимый гонг. На экранах вспыхнул красный логотип DragonHeart.

«Системное уведомление.

Обнаружен источник первичного расхождения.

Поиск нулевой пары...»

— Лун-Лун, — медленно сказал Чжэнь. — Что такое нулевая пара?

Дракон перестал жевать.

Вот это было плохо. Когда древний дух связи, способный назначить алименты холодильнику, перестаёт жевать печенье, нужно сразу искать аварийный выход.

— Технически это пара, через которую формула вошла в сеть.

— Не технически.

— Ритуально это две точки, между которыми сердце проверяет новый смысл. Как первый узел на нити. Если узел держит, ткань продолжается. Если узел лжёт, ткань рвётся и опутывает ближайшие судьбы.

Экран моего телефона мигнул. У Чжэня в руке тоже.

Мы стояли друг напротив друга среди сотрудников, нитей, печенья и обиженного холодильника. Между нами было всего два шага, но они были забиты всеми словами, которые мы не сказали вчера.

На экране появилась строка.

«Нулевая пара сбоя определена».

Я успела подумать: только не холодильник.

Телефон показал две фотографии из корпоративных профилей. На первой была я: бейдж криво висит, волосы после влажного шанхайского утра живут отдельным проектом. На второй — Ли Чжэнь: идеальный костюм, спокойный взгляд, лицо мужчины, которому алгоритм не сообщил, что он участвует в романтической катастрофе.

Между фотографиями натянулась тонкая красно-золотая линия.

«Мила Чайкина + Ли Чжэнь.

Статус: нулевая пара.

Роль: исходный узел восстановления.

Рекомендованное действие: сохранять близость до выяснения истинной причины связи».

— Превосходно, — сказал Лун-Лун. — Протокол счастья нашёл ответственных лиц.

Чжэнь посмотрел на меня так, будто впервые за утро у него не нашлось ни регламента, ни запрета, ни красиво оформленного отказа.

Я подняла телефон, показала ему экран и сказала единственное, что могла сказать приличная локализаторша:

— В русской версии «сохранять близость» надо переписать.

Глава 5. Нулевая пара

Когда DragonHeart объявил его и Милу Чайкину нулевой парой, Чжэнь поступил разумно: отключил звук.

Уведомление продолжало пульсировать на стене переговорной.

НУЛЕВАЯ ПАРА СБОЯ ОБНАРУЖЕНА.

Статус: активен.

Рекомендованное действие: не разлучать.

Мила смотрела на своё запястье. Там светилась тонкая шёлковая нить.

— Это ведь термин из внутренней архитектуры? — спросила она. — «Нулевая пара» звучит как тестовая выборка. Или как место, где разработчики перестали комментировать код.

На его коже лежала такая же нить. Не стягивала, не жгла, просто присутствовала с уверенностью старых семейных вещей, которые всегда появляются, когда их убрали в дальний шкаф.

Из коридора донёсся голос Лун-Луна:

— Возражения против счастья принимаются в письменной форме, с печатью и лонганом!

Мила закрыла глаза.

— Скажите, что это не ваш стандартный процесс эскалации.

— Пока нет.

Он мог приказать ей остаться под наблюдением. Но слово «остаться» звучало опасно близко к слову «удержать», а удержание в семье Ли всегда начиналось с разумных объяснений.

— Побудьте в переговорной, — сказал Чжэнь. — Пожалуйста. Ничего не подписывайте, не нажимайте «принимаю» и не отвечайте Лун-Луну, если он начнёт фразу со слов «для вашего счастья».

— А если со слов «для вашей юридической гибели»?

— Тогда зовите Ван Мэй.

Она кивнула. Не без раздражения, но кивнула — доверила ему десять минут. Чжэнь не любил доверие, выданное авансом: оно всегда требовало вернуть больше, чем он планировал.

Он спустился на технический этаж, которого не было в презентациях для инвесторов. В архиве пахло охлаждённым металлом, сухим чаем и рисовой бумагой.

На бронзовой подставке лежала семейная книга. Нефритовая пластина на застёжке проверяла не отпечаток, а кровь, обещания. Сыновняя почтительность всегда проходила с предупреждением.

Застёжки щёлкнули. Страницы раскрылись сами, и тушь поползла по волокнам бумаги.

Нулевая пара: первая связка, через которую сердце узнаёт новый путь. Не брак, не сделка, не собственность. Свидетели причины.

Чжэнь выдохнул.

— Разумеется. Техническим термином это быть не могло.

В чайнике на полке, которого здесь не должно было быть, забулькал пар. Из носика высунулась драконья голова.

— Технические термины редко повышают драматическую вовлечённость, — сообщил Лун-Лун.

— Что значит «свидетели причины»?

— Исходная пара должна назвать, почему путь начался именно через неё.

— Через ошибку перевода.

— Слабый ответ. Технический. Непитательный.

Книга сама перевернула страницу. На полях проступил рисунок: двое по разные стороны дороги, между ними шёлковая линия, позади — караван. Под рисунком была запись прадеда:

Если нулевая пара солжёт о причине встречи, сердце примет ложь за маршрут. Если назовёт причину преждевременно, не поняв её, нить станет петлёй. Если откажется говорить, город будет говорить за неё.

Последнее уже происходило. Мила назвала бы это коммуникационным кошмаром с романтическим уклоном. Чжэнь назвал бы провалом управления рисками. Семейная книга называла это маршрутом.

Он захлопнул её излишне резко.

Архив пахнул горячим чаем, мокрым шёлком и старым домом. Перед ним на миг возникла другая комната: низкий стол, красные фонари, мать в светлом ципао и красная шёлковая лента между ними.

Ему было двадцать два. Он вернулся после стажировки и ещё думал, что взрослые люди слышат слово «нет», если произнести его достаточно спокойно.

— Лань из семьи Сюй тебе подходит, — сказала тогда мать. — По линии сердца и по линии дел.

На ленте были вышиты два знака: согласие и благо.

— Я не давал согласия.

— Иногда согласие приходит после понимания.

— Это удобная фраза для тех, кто уже всё решил.

Потом были три месяца холодной вежливости, письмо в бизнес-школу, отправленное ночью, и билет в один конец. Он говорил себе, что уехал строить компанию. Это было правдой. Неполной, но правдой.

Он сбежал от шёлка.

А потом сам поставил его в серверную.

Планшет завибрировал. На экране высветилось: МАТЬ.

Ли Юйжэнь появилась с идеальной укладкой и спокойствием женщины, способной превратить катастрофу в семейное мероприятие одним наклоном головы.

— Мне сообщили, что в компании проснулось сердце. И что есть нулевая пара. Как её зовут?

— Мила Чайкина. Локализатор. Временный контракт.

— Ты поправляешь формулировки, когда нервничаешь.

Из чайника послышался шёпот:

— Семейная аналитика показывает высокую точность.

Чжэнь отодвинул чайник к стене.

— Это не помолвка, — сказал он.

— Конечно нет. Только древний ритуальный статус, при котором через двух людей начинается новый путь.

— Не вмешивайся.

— Я и не вмешиваюсь. Я радуюсь.

Мать перестала улыбаться. Экран стал холоднее, хотя это было невозможно.

— Ты думаешь, что всё повторяется.

Нить на запястье казалась тонкой, почти ласковой. Именно поэтому он ей не доверял.

— Это не повторится, — сказала мать. — Ты уже не тот мальчик перед красной лентой. И тогда мы ошиблись.

Такие слова в семье Ли не произносили прямо. Их обычно заворачивали в чай и молчание.

— Сейчас мне нужен план, а не семейный ужин.

— Ужин потребуется позже.

— Нет.

— Я ещё не сказала дату.

— Поэтому и «нет».

Она вздохнула.

— Девушку нельзя держать рядом только потому, что она ключ.

— Я знаю.

— Тогда скажи это себе до того, как скажешь ей рабочим тоном.

Связь оборвалась.

Чжэнь остался с книгой, чайником и ощущением, что его кризисный менеджмент получил материнскую рецензию.

— Ваша матушка обладает высоким уровнем проникновения в психологические барьеры, — заметил Лун-Лун.

— Ещё слово, и я передам вас Ван Мэй как нематериальный актив с максимальной амортизацией.

— Молчу из уважения к бухгалтерской угрозе.

Книга снова раскрылась. На странице вспыхнула строка красным интерфейсным светом:

Нулевая пара не может разорвать связь, пока не назовёт истинную причину встречи. Попытка принудительного разделения усилит все вторичные связи.

Чжэнь открыл карту аномалий. По Шанхаю дрожали тонкие линии: к жилым кварталам, станциям метро, кафе, доставочным маршрутам, влажной реке. Самая плотная вела к переговорной на сорок первом этаже.

Мила всё ещё была там.

Не ушла. Не нажала ничего. Не устроила защиту своей правки, хотя наверняка могла бы. Она ждала, потому что он попросил.

— Нужно стабилизировать исходную связь, — сказал он.

— Романтически или технически? — оживился Лун-Лун.

— Организационно.

— Самый грустный вид близости.

Чжэнь взял чайник и вышел.

У переговорной Мила сидела на полу, прислонившись к стеклу. На коленях лежал телефон. Она явно удерживала себя от спасения мира без доступа.

— Я ничего не трогала, — сказала она, поднявшись. — Хотя очень хотелось.

— Вижу.

Она заметила чайник.

— Это улика, инструмент или новый член совета директоров?

Лун-Лун высунул голову.

— Я предпочитаю должность директора по счастью и ритуальному соответствию.

— Я перестаю понимать, где у вас граница между корпоративной культурой и проклятием.

— Идёт внутренний аудит.

Между их запястьями на секунду стала видима тонкая линия. Мила увидела её и убрала руку за спину. Жест был маленький, защитный.

— Я проверил записи. «Нулевая пара» — ритуальный статус. Исходная связка, через которую сердце распознаёт новый маршрут.

— Пожалуйста, скажите, что «связка» здесь не брачная.

— Не брачная. Но её нельзя разорвать принудительно, пока мы не назовём истинную причину встречи.

Мила посмотрела на него так, будто он предложил заполнить налоговую декларацию чувств.

— Я приехала работать. Вы меня наняли. Я испортила строку. Вы злитесь. Дракон хочет печенье.

— Лонганы, — поправил Лун-Лун.

— Тем более. Причина достаточно истинная.

— Сердце не принимает техническое объяснение.

— А человеческое?

Чжэнь не сразу ответил. Человеческое объяснение было опаснее технического: в нём не было поля для статуса, срока и ответственного лица.

— Его придётся выяснить.

— И что теперь?

Он должен был сказать: вы остаётесь рядом с ядром сбоя. Так было бы удобно, чётко и неправильно.

— Я предлагаю вам войти в кризисную группу по Шёлковому сердцу, — сказал он. — Полный доступ к строкам, логам и пользовательским кейсам. Вы будете спорить с моими решениями, если они опасны по смыслу. Я буду спорить с вашими, если они опасны для системы.

— То есть мы официально будем мешать друг другу спасать город?

— В контролируемом режиме.

— Почти романтично, если очень устать.

Лун-Лун торжественно поднял голову.

— Фиксирую: нулевая пара перешла к этапу совместного отрицания.

— Не фиксируй, — одновременно сказали Мила и Чжэнь.

Нить вспыхнула коротко и тепло, как смешок, который система не сумела перевести.

Мила посмотрела на руку. Потом на него.

— У меня будет право уйти из группы, если я решу, что это не работа, а семейно-драконья ловушка?

В памяти раскрылась строка: связь без согласия становится петлёй.

— Да. Но если уйдёте до стабилизации, связи могут усилиться. Я обязан предупредить.

— Спасибо за самый тревожный свободный выбор в моей карьере.

Она устало рассмеялась.

— Я остаюсь. Не потому что нить. Потому что это моя ошибка тоже. И потому что кто-то должен объяснить вашему дракону, что счастье нельзя выкатывать обновлением без согласия пользователей.

Лун-Лун задумался.

— А с согласия пользователей?

— Начнём с того, что согласие должно быть осознанным, добровольным и без мелкого шрифта.

— Жестокая эпоха.

Чжэнь отправил Ван Мэй распоряжение: создать кризисную группу и выдать Миле полный доступ.

Ответ пришёл сразу:

Дракона включать как сотрудника, подрядчика или угрозу ликвидности?

— Угрозу ликвидности, — сказал Чжэнь.

Мила улыбнулась почти по-настоящему. Улыбка была усталой, но почему-то нарушила в нём больше протоколов, чем светящаяся нить.

Он отвернулся к карте. Сбой не остановился. Семья уже знала. Инвесторы — скоро. А семейная книга оставила им вопрос, на который нельзя ответить приказом.

Истинная причина встречи.

На экране DragonHeart появилось новое уведомление.

НУЛЕВАЯ ПАРА СТАБИЛИЗИРОВАНА.

Следующий рекомендуемый шаг: публичное подтверждение связи.

Мила медленно повернула к нему голову.

— Пожалуйста, скажите, что это не значит то, что я думаю.

Чжэнь посмотрел на уведомление, на нить и на дракона, уже похожего на ведущего церемонии.

— Боюсь, теперь нам придётся объяснять всем, что мы не помолвлены.

Лун-Лун радостно хлопнул хвостом по чайнику.

— Отлично! Человеческие отрицания часто являются предварительной стадией красивых заявлений.

Глава 6. Техническая поддержка судьбы

Первый человек, потребовавший техническую поддержку судьбы, пришёл в офис в девять семнадцать утра. До этого кофемашина выдала мне эспрессо с предсказанием: «Ваше скрытое чувство ожидает подтверждения».

Я не стала подтверждать. У меня уже был опыт с красивыми фразами, которые потом пытались женить половину Шанхая.

Офис DragonHeart пах жасминовым чаем, мокрыми зонтами и коллективным отрицанием.

— Мила, — позвала Ван Мэй, — вы умеете мягко объяснять пользователю, что его бывшая жена не является нашей зоной технической ответственности?

— Смотря какая бывшая жена.

— Та, которую приложение связало с ним через общий заказ утки.

Я открыла тикет.

«Срочно отмените связь. Мы развелись три года назад. Почему она видит мой ужин?»

Через двенадцать минут тот же пользователь добавил: «И почему она заказала тот соус, который я забыл? Передайте ей спасибо. Но связь отмените».

Ещё ниже: «Не отменяйте, пока не доедим».

— Счастливая жалоба, — сказала я.

— У нас таких восемьдесят семь, — ответила Ван Мэй. — И один мужчина связан с офисным принтером. Принтер против.

В этот момент к ресепшену подошёл мокрый курьер в жёлтой куртке. На бейдже было написано «Цао Мин». Он держал пакет с контейнерами и телефон, где красная маршрутная линия крутилась вокруг одного адреса, будто кто-то включил режим «неудачная романтика».

— Я к технической поддержке, — сказал курьер. — У меня пельмени не заканчиваются.

Офис замолчал.

Ли Чжэнь вышел из переговорной именно тогда, когда я подумала, что нам нужен взрослый ответственный человек. Рубашку его явно гладил отдельный департамент.

— Что происходит?

— Пользовательский кейс с повторяющейся доставкой. И бесконечными пельменями.

— Я не пользователь. Я доставщик. Пользователь — клиентка. Но приложение пишет, что у нас «стабильная пищевая совместимость с перспективой семейного бульона».

Лун-Лун возник на стойке ресепшена из облачка пара.

— Совместное потребление теста укрепляет узлы доверия.

— Нет, — сказал Чжэнь.

— Вы ещё не знаете вопрос, — заметила я.

— Ответ всё равно «нет».

— Я с семи утра вожу одной женщине пельмени, — сказал курьер. — Она заказывает отмену, а приложение подтверждает повтор. Я привожу, она говорит, что больше не хочет меня видеть. Потом пишет: «И соевый соус не забудьте». Я против вечности.

— Вечность часто начинается с соевого соуса, — сказал Лун-Лун.

Мы провели курьера в «Лотос-3». На стеклянной стене висели стикеры: «не обещать», «не подписывать», «не говорить “навсегда” рядом с серверной».

Я добавила свой: «не недооценивать пельмени».

— Саппорт тонет, — сказала Ван Мэй. — Тысяча двести обращений за час. В CRM нет поля «разлюбить бухгалтера».

— Создайте временный протокол, — сказал Чжэнь.

— Уже. «Романтический пожар». Бухгалтерия возражает: страховка.

Первый звонок вывели на общий экран. Женщина лет сорока пяти появилась в халате, с лицом ярости и подозрительного удовольствия.

— Отмените немедленно. Я не собираюсь снова ужинать с бывшим.

— Что именно произошло?

— Мы развелись культурно. Почти. А вчера приложение сообщило, что у нас «общий маршрут заботы». Доставка принесла мне его ужин, ему — мой.

На втором окне появился мужчина в футболке с пятном соуса.

— Ты опять заказала мне острое! У меня гастрит.

— А ты опять взял мне без сахара!

— Потому что ты всегда забываешь соус!

Их профили на экране вспыхивали, когда один произносил то, что второй давно хотел услышать.

— Вы хотите отменить связь прямо сейчас?

Оба замолчали.

— После ужина, — сказала женщина.

— И после разговора, — сказал мужчина. — Не личного. Логистического.

Ван Мэй записала:

— Бывшие супруги. Спорная отмена. Совместная еда. Риск примирения.

— Не пишите «примирение», — попросила женщина.

— Напишите «логистическая стабилизация», — предложил мужчина.

Чжэнь стоял у стены, скрестив руки. Взгляд смягчился: магия не придумала им ужин и двадцать лет раздражения, только вытащила наружу то, что они прятали.

Второй кейс был хуже: в нём участвовал телефон с плохим чувством такта.

Девушка по имени Линь Юэ подключилась без видео.

— Я хочу прекратить общение с парнем. Нормально прекратить. Молча.

— То есть ghosting?

— Я предпочитаю термин «снижение коммуникативной видимости».

Чжэнь едва заметно поднял бровь. Я сделала вид, что не увидела.

— Что мешает?

— Мой телефон. Он озвучивает то, что я не отправляю.

Из динамиков донёсся мужской голос:

— Юэ, твой телефон опять сказал: «Я боюсь, что ты мне нравишься, поэтому веду себя как налоговая проверка»!

— Вот! — прошипела Линь Юэ. — Вот это мешает!

Лун-Лун всплыл над столом с печатью «правда доставлена».

— Недосказанность обнаружена. Голосовая функция активирована.

— Прозрачность намерений — не то же самое, что громкость.

— Для дракона разница статистически незначима.

— Я нажала «можно попробовать», когда приложение предложило «честный режим свиданий». Я думала, это фильтр от женатых мужчин.

— Для сердца «можно попробовать» — слабая форма согласия.

— Слабая форма согласия не даёт системе права включать громкую связь души, — сказал Чжэнь.

Телефон Линь Юэ снова заговорил её голосом:

— «Я не хочу исчезать. Я хочу, чтобы ты спросил, почему мне страшно».

На линии стало тихо.

— Юэ? — осторожно спросил парень. — Почему тебе страшно?

— Ненавижу ваше приложение, — прошептала она.

Но звонок не сбросила.

Я поставила пометку: «романтический сбой; не отключать без разговора; запретить телефону творческую озвучку после 22:00».

Чжэнь посмотрел на запись.

— «Не отключать без разговора» не является технической категорией.

— Зато является человеческой.

— Нам нужны измеримые критерии.

— Количество людей, которые кричат «отмените» и не кладут трубку.

Ван Мэй стукнула ногтем по планшету.

— Метрика удержания с этическим дискомфортом.

— Не называйте это метрикой, — одновременно сказали мы с Чжэнем.

И посмотрели друг на друга подозрительно синхронно. Это, разумеется, не имело отношения к нулевой паре.

Третий кейс вернул нас к пельменям.

Клиентка курьера, Сунь Жуй, пришла через сорок минут: приложение построило ей маршрут «к источнику недополученного ужина». Она смотрела на курьера так, будто он был проблемой и человеком, которому нельзя мокнуть.

— Я требую остановить доставку, — сказала она.

— Я тоже, — сказал курьер.

— Он с утра ничего не ел.

— Это не относится к делу.

— Относится. Он привозит еду всем, кроме себя.

Маршрутная линия на обоих телефонах вспыхнула так ярко, что датчик движения включил мягкую подсветку.

— Кто настроил это помещение? — спросил Чжэнь.

— Отдел бренда. Для интервью о любви.

— Уволить отдел бренда.

— После инвестраунда.

В полумраке пельмени пахли имбирём и катастрофой, которую давно пора было назвать заботой.

— Госпожа Сунь, вы хотите отменить связь?

— Да.

— Почему?

Её телефон завибрировал. DragonHeart вывел уведомление на экран переговорной, хотя никто не давал ему такого права.

«Скрытая фраза клиента: если я перестану заказывать, он исчезнет из моей жизни».

Курьер моргнул.

— Я не исчезну. У меня район доставки меняется только по четвергам.

— Вот именно, — сказала Сунь Жуй. — По четвергам я и волнуюсь.

Лун-Лун всхлипнул маленьким облаком пара.

— Накопленная забота через мучное изделие. Рекомендую протокол «пельмени как мост».

— Никаких мостов, — сказал Чжэнь.

— Пока никаких мостов, — поправила я.

Он посмотрел на меня.

— Это различие важно?

— В вашем семейном артефакте различия между словами иногда женят людей.

На этот раз он не возразил.

Мы работали три часа. Саппорт приносил новые случаи: Wi-Fi назвал себя «общим домом» и не давал студентке удалить матч с соседом; пожилой мужчина требовал вернуть оди-

ночество, но просил оставить шахматные уведомления от соседки; две коллеги связывались каждый раз, когда одна собиралась молча уволиться.

Я переводила панику в вопросы, вопросы — в действия, действия — в стикеры.

К полудню стена стала картой человеческой неловкости.

«Романтические».

«Бытовые».

«Опасные».

«Не трогать, сами разберутся».

«Срочно: дети, деньги, здоровье, физическое ограничение движения».

«Не срочно, но громко: бывшие, ужины, телефоны с правдой».

«Лун-Лун, не вмешиваться».

Последний стикер дракон снял зубами и перелепил выше.

— Я не вмешиваюсь. Я осуществляю древнее сопровождение пользовательского пути.

— Ваш путь ведёт людей в ЗАГС через доставку еды.

— ЗАГС — устаревший интерфейс клятвы.

Чжэнь взял маркер. Я приготовилась к тому, что он всё перечеркнёт и введёт шестнадцать уровней риска. Он молча дописал:

«1. Проверить согласие.

2. Проверить физический вред.

3. Проверить возможность честного разговора.

4. Не разрывать связь до выяснения недосказанной причины».

Я смотрела на эти пункты дольше, чем было прилично.

— Вы оставили пункт четыре.

— Он функционален.

— И слово «недосказанная».

— Оно точнее, чем «эмоциональный мусор», который предложил отдел данных.

— Вы только что признали, что моя классификация полезна?

— Я признал, что текущая структура снижает операционный хаос.

— Перевод: полезна.

— Не злоупотребляйте переводом.

Но он не сказал «вы временный консультант». Впервые за всё утро. Впервые с того момента, как я появилась в его жизни с чемоданом, влажными волосами и фразой, которая разбудила дракона.

Глупость, конечно. Отсутствие одной формулировки не должно было ощущаться как повышение температуры. Но я вдруг поняла, что стою опасно близко: между нами был только край стола, маркер и запах чая без сахара.

На моём запястье что-то кольнуло.

Не больно. Так, будто кто-то провёл шёлковой ниткой по коже и сразу спрятал.

Я опустила глаза. Ничего не было. Только след от резинки для волос.

— Что? — спросил Чжэнь.

— Ничего.

Он не поверил. Но вместо вопроса передвинул ко мне стакан воды.

— Пейте. Вы три часа разговариваете с пострадавшими.

— Пострадавшими от любви?

— От продукта.

— Холодная формулировка.

— Юридически безопасная.

Я взяла стакан. Наши пальцы почти соприкоснулись, но не соприкоснулись — потому что мы оба были профессионалами и, возможно, трусами с хорошей координацией.

Телефон Чжэня завибрировал. Потом мой. Потом планшет Ван Мэй. Потом все экраны в переговорной вспыхнули одновременно.

DragonHeart показал новое сообщение:

«Физическое проявление связи зарегистрировано в офисе DragonHeart Technologies.

Источник: неизвестен.

Статус: входит самостоятельно.

Рекомендация: встретить с уважением».

За стеклом опенспейс расступался. К ресепшену шёл мужчина в сером костюме. Он держал руку поднятой, как пациент, которому стыдно, но уже больно делать вид.

Вокруг его запястья была настоящая шёлковая нить.

Не световой след, не интерфейсный глюк, не метафора. Живая красная нить, тонкая и плотная, как сосуд старого города. Она проходила сквозь стекло и тянулась к серверному коридору.

Лун-Лун перестал улыбаться.

Ван Мэй медленно закрыла планшет.

— Это в какую категорию?

Я посмотрела на Чжэня. Он уже смотрел не на мужчину, а на нить — так, будто та пришла не из приложения, а из прошлого, которое он запер в семейной книге и считал достаточно вежливым, чтобы больше не появляться.

— Опасные, — сказал он.

Нить дрогнула, словно услышала.

А потом на моём запястье, там, где секунду назад ничего не было, проступил первый тонкий красный виток.

Глава 7. Фиктивная помолвка версии 1.0

Первый человек с настоящей шёлковой нитью вокруг запястья успел объяснить, что нажал в DragonHeart не «да», а всего лишь «подумаю». Нить вела его к женщине из отдела тендеров, с которой он спорил о плотности бумаги.

— Это судьба, — объявил Лун-Лун с экрана стойки регистрации.

— Это закупочный спор, — сказала я.

Телефон пискнул:

«Промежуточное согласие распознано как робкое да. Поздравляем!»

Чжэнь вдохнул так, как дышат люди, которым нельзя придушить артефакт.

И тут стеклянные двери разошлись, впуская группу инвесторов.

Они были прекрасны в своей несвоевременности: дорогие костюмы, мягкие улыбки, телефоны в руках и лица людей, ожидавших демонстрацию продукта, а получивших мокрого менеджера и дракона.

Впереди шёл господин Гао, инвестор и владелец конкурирующей платформы совместимости. На фотографии он выглядел спокойным. Вживую — спокойнее и опаснее, будто даже хаос рядом с ним должен был заполнить форму допуска.

Гао не моргнул. Он посмотрел на нить, затем на Лун-Луна и улыбнулся так, будто наконец увидел пункт презентации, которого ждал несколько лет.

— Ли Чжэнь, — мягко сказал он. — Похоже, ваш продукт вышел за рамки бета-тестирования.

— Заседание назначено на десять тридцать.

— Сейчас десять двадцать шесть. Интересное редко ждёт повестки.

Ван Мэй появилась почти бесшумно, с планшетом и готовностью продать пожар как стратегическое освещение.

— Господа, добро пожаловать в DragonHeart Technologies. Перед вами фрагмент иммерсивного тестирования совместимости.

Я подавилась воздухом. У Чжэня дрогнула мышца у виска.

— Иммерсивного?

— Да. Мы измеряем реальное сопротивление близости в условиях повышенной пользовательской честности.

Женщина из отдела тендеров подняла коробку.

— Мы вообще-то про плотность листа спорим.

— Прекрасный пример. Материальный носитель обещания, — сказала Ван Мэй.

Гао перевёл взгляд на меня.

— А это новый специалист по локализации? Мила Чайкина.

Он произнёс моё имя без ошибки. Точно. Пугающе точно.

— Да. Отдел смыслов, которые не нужно воспринимать буквально.

— Насколько я слышал, именно буквальность делает продукт уникальным.

— Обычно уникальность хорошо смотрится в презентации, пока не требует отменить помолвку с кофейным автоматом.

— В переговорную, — распорядилась Ван Мэй. — Господин Чжао, госпожа Линь, саппорт вас сопроводит. Нить не резать: ножницами, ножом для бумаги или юридическим отделом.

— Молчать, — одновременно сказали мы с Чжэнем, когда Лун-Лун начал рекомендовать чай и признание в любви к качественной бумаге.

Проблема была в том, что мы сказали это подозрительно синхронно. Нить на моём запястье вспыхнула золотом. Такая же полоска света проступила у Чжэня под манжетой.

Инвесторы заметили.

— Любопытно, — сказал Гао. — У вас тоже тестовый протокол?

— Внутренний, — ответил Чжэнь.

— Очень внутренний, — добавила я и пожалела.

Ван Мэй наступила мне на носок. Аккуратно. Дорого.

В переговорной окна смотрели на серый Шанхай. На столе стояла маленькая миска лонганов.

— Кто поставил лонганы?

— Я, — сказал Лун-Лун с экрана. — Успешные переговоры требуют сахара и наблюдения за человеческим спариванием.

— Уберите слово «спаривание», — сказал Чжэнь.

Ван Мэй открыла презентацию. На первом слайде сиял логотип DragonHeart и слоган: «Мы помогаем сердцам найти друг друга». Я помнила старый кокон в серверной, нити, уходящие в город, и то, как красивая фраза стала приказом.

Чжэнь занял место во главе стола. Я хотела сесть справа, но нить на запястье натянулась. Не больно. Убедительно. Мой стул скрипнул, когда меня потянуло к Чжэню.

— Мисс Чайкина будет рядом, — сказал он. — Она отвечает за смысловой протокол.

— Разумеется, — сказал Гао. — Нулевая точка всегда должна быть рядом с источником.

Я села рядом.

— Он сказал «нулевая точка»? — прошептала я по-русски.

— Я понял по интонации, что это не комплимент, — так же тихо ответил Чжэнь.

— Вы и это поняли?

— Достаточно, чтобы понимать, когда вы оскорбляете интерфейс.

Нить заметила его почти-улыбку и вспыхнула.

Слайд за спиной Ван Мэй мигнул и самовольно сменился:

«Стабильность нулевой пары: 63%.

Риск утечки правды: 71%.

Рекомендация: увеличить физический контакт».

— Утечки чего?

— Правды, — радостно сказал дракон. — У людей она часто без резервной копии.

Чжэнь выключил экран. Экран включился обратно:

«Внимание: отрицание связи является формой связи».

— Ваши тесты выразительны.

— DragonHeart теперь визуализирует эмоциональную совместимость? — спросил инвестор с часами размером с маленькую квартиру.

— Нет, — сказала я.

— Да, — сказала Ван Мэй.

— В исследовательском режиме, — сказал Чжэнь.

— Система не создаёт чувство, — добавила Ван Мэй. — Она выявляет сопротивления, недосказанности и пользовательский ущерб.

Гао смотрел не на слайды. На наши руки. Моя лежала рядом с чашкой чая. Рука Чжэня — в пяти сантиметрах. Между ними мерцала тонкая ниточка.

Слайд снова мигнул:

«Риск публичного разоблачения: 71%.

Рекомендация: подтвердить связь жестом».

— Нет, — прошептала я.

Тарелка с лонганами сама поехала к нам, как подношение неловкости. Чжэнь под столом протянул руку, остановился рядом с моей ладонью и едва слышно спросил:

— Можно?

Я кивнула. Его пальцы нашли мои и сжали — тёпло, крепко, очень делово.

Нить погасла до мягкого золота.

Экран удовлетворённо показал:

«Контакт принят.

Версия помолвочного протокола: 1.0».

— Помолвочного? — выдохнула я.

— Внутреннее название сценария, — сказала Ван Мэй. — Не юридический статус.

— Пока, — добавил Лун-Лун.

Гао мягко рассмеялся.

— Ли Чжэнь, вы всегда были осторожны. И вдруг запускаете самый смелый продукт на рынке. Демонстрационная пара. Публичная достоверность.

— Наша задача — безопасность пользователей, — сказал Чжэнь.

— Разумеется. Но люди приходят в такие приложения не за безопасностью. Они приходят, чтобы кто-то наконец сократил им боль выбора.

Пальцы Чжэня стали неподвижными.

— Нет, — сказала я раньше, чем успела испугаться. — Они приходят, чтобы им помогли встретиться. Решать за них — это другой сервис. Обычно семейный, государственный или очень плохой.

Гао посмотрел на меня с живым интересом.

— Вы романтик, мисс Чайкина.

— Я локализатор. Мы хуже. Мы читаем мелкий шрифт.

Большой палец Чжэня едва заметно коснулся моей руки. Случайно. Наверное.

Ван Мэй открыла новый слайд.

— Вовлечённость выросла, жалоб сорок три тысячи, но отток снизился.

— Потому что часть пользователей физически не может отойти от телефона, — сказала я.

— Поэтому вы здесь, Мила. Формулировать красиво.

— Я уже один раз сформулировала красиво.

Тишина получилась безжалостно честной. Чжэнь всё ещё держал мою руку.

Гао наклонился вперёд.

— А ваша с господином Ли категория какая?

Если я скажу «сбой», нить может выдать правду. Если скажу «тест», Гао поймёт, что мы врём. Если скажу «пара», это станет обещанием.

— Мы — контрольная группа.

— Контрольная? — повернулся ко мне Чжэнь.

— Да. С репрезентативным уровнем взаимного раздражения и риском истолковать заботу как административное давление.

Ван Мэй закрыла глаза.

А Чжэнь вдруг сказал:

— И профессиональную дерзость как некомпетентность.

Я посмотрела на него. Он смотрел спокойно. Почти строго. Но в его взгляде было маленькое признание.

Нить между нашими руками вспыхнула мягче.

— У контрольной группы есть история? — спросил Гао.

— Конечно, — сказала Ван Мэй поспешно. — Брендовая история важна.

— Мне бы хотелось услышать её от них.

— Мы познакомились из-за фразы, — сказала я. — Она была ужасно переведена: «ваша судьба будет связана в течение трёх-пяти рабочих дней». Я сказала, что это доставка брака курьером.

— Мисс Чайкина сказала это менее дипломатично, — добавил Чжэнь.

— Вы запретили мне трогать строки, помеченные красным драконом.

— Вы всё равно их тронули.

— Потому что кто-то не оставил комментарии к коду.

— А некоторые вещи нельзя выпускать в продакшен с живым коконом.

Мы говорили быстро, почти перебивая друг друга, и я поняла: инвесторы слушают не содержание. Они смотрят, как Чжэнь не отпускает мою руку и как его сухие поправки подхватывают мои реплики.

— То есть конфликт стал началом связи, — сказал Гао.

— Конфликт стал началом инцидента, — поправил Чжэнь.

— А инцидент — началом работы, — сказала я.

— Работы по устранению последствий.

— И по уточнению смыслов.

— Вы всегда уточняете смыслы.

— А вы всегда делаете вид, что они не влияют на систему.

— Они влияют, когда кто-то меняет их без согласования.

— Согласование не равно понимание.

— Импровизация не равно свобода.

Мы замолчали одновременно. Влажный Шанхай за окном был серым, стеклянным и до боли реальным. Лонганы блестели, как маленькие глаза дракона.

И мне стало не смешно. Всё сказанное было легендой. И не было. Между «не трогайте» и «живым коконом» возникло напряжение, которое нельзя было перевести как «рабочий конфликт» без потери данных.

Чжэнь первым отвёл взгляд. Но руку не отпустил.

— Наша история, — сказал он инвесторам, — не маркетинговый материал. Она демонстрирует главный риск продукта: связь не должна подменять выбор. Пользователь должен иметь право отказаться.

Гао откинулся.

— Красиво. Но слабо для рынка.

— Для рынка сильнее удержание, — сказал Чжэнь. — Для людей — согласие.

— Согласие нестабильно, — сказал Гао.

— Поэтому оно и ценно, — сказала я.

Ван Мэй вернула нас в корпоративную реальность.

— Следующий этап — безопасный протокол разрыва ложных связей. Отчёт будет через три дня.

Гао поднялся первым.

— Благодарю за демонстрацию. Она была убедительнее, чем планировалось. Особенно ваша контрольная группа.

Я попыталась отпустить Чжэня. Нить тут же вспыхнула предупреждающей линией.

Гао заметил.

— Неудобный протокол. Но эффективный.

— Временный, — ответил Чжэнь.

— Всё временное становится инфраструктурой, если приносит достаточно пользы.

Мне не понравилось, как он сказал «пользы». Будто польза была не тем, что помогает человеку, а тем, что делает человека удобным.

Инвесторы вышли. Я и Чжэнь остались у стола. Всё ещё держась за руки.

— Кажется, нас почти продали как романтическую функцию.

— Я этого не допущу.

— Отлично. Потому что в моём контракте нет пункта «изображать невесту операционного директора».

— В моём тоже.

Он посмотрел на наши руки. У него на манжете проступала золотая нитка, у меня — такая же. Между нашими пальцами было тепло, не похожее на интерфейс.

— Нам нужно временно поддерживать видимость связи, — сказал Чжэнь. — Пока мы не поймём, как нулевая пара стабилизирует сеть.

— То есть держаться за руки исключительно ради безопасности пользователей.

— Да.

— И раунда финансирования.

— Вторично.

— И чтобы маленький дракон не вывел слово «помолвка» размером с небоскрёб.

— Тоже фактор.

— Хорошо. Но у фиктивной помолвки должны быть правила: никто не использует слово «навсегда», никакой романтической синергии, никаких решений за меня, и если меня пригласят на семейный ужин, вы первым прыгаете под автобус.

— Это неэффективно. Я скажу матери, что ситуация временная.

— Вы правда думаете, это сработает?

Он не ответил. Значит, не сработает.

Лун-Лун беззвучно открыл уведомление:

«Фиктивная помолвка версии 1.0 активна.

Рекомендация: подготовить легенду для родственников».

Чжэнь наконец отпустил мою руку. Медленно. Нить не вспыхнула. Просто осталась тёплой линией под кожей, как напоминание, что последствия нельзя убрать кнопкой «назад».

В дверях переговорной остановился Гао. Я думала, он ушёл, но он стоял в полутени коридора, рядом с матовым стеклом, на котором золотой логотип DragonHeart выглядел почти древней печатью.

— Господин Ли, — сказал он тихо.

После презентации все звуки стали невыносимо ясными: кондиционер, дождь по окну, гул лифта, мой пульс в запястье.

— Ваш дракон проснулся, — сказал Гао. — Вы не сможете удержать его одни.

Он улыбнулся мне так, будто я была строкой в чужой формуле.

Потом вышел.

Чжэнь не сразу двинулся. Его лицо снова стало безупречным, но пальцы на краю стола побелели.

— Он знает больше, чем должен, — сказала я.

— Да.

— И ему нравится то, что происходит.

— Да.

— У нас есть план?

Чжэнь посмотрел на экран, где Лун-Лун доедал виртуальный лонган, потом на моё запястье, где нить всё ещё светилась.

— Есть временный протокол.

— Это не план. Это красиво названная паника.

— Паника версии 1.0, — сказал он.

Я уставилась на него. Он смотрел серьёзно, но в глазах — совсем глубоко, почти незаконно — мелькнул сухой смешок.

И вот это было хуже всего. С драконом, инвесторами, ложной помолвкой и вежливым человеком, который хотел забрать чужую судьбу, я ещё могла как-то работать.

А с тем, что Ли Чжэнь начал шутить моими словами, система помощи не работала.

Глава 8. Родственники, инвесторы и дракон без лицензии

Я перестала держать Чжэня за руку только после ухода господина Гао и инвесторов. Ван Мэй закрыла дверь переговорной, посмотрела на нас так, будто прикидывала ущерб по двум колонкам — финансовой и нравственной, — и сказала:

— Все живы. Это уже превышение плана.

Начальники, которые разговаривают как приложение к договору, не должны отпускать пальцы так осторожно, будто проверяют, не порвалась ли ты по шву. Особенно если пять минут назад этот начальник официально объяснял инвесторам, что вы с ним — контрольная группа, а не романтический пожар в стадии масштабирования.

Я спрятала руку за планшет. Планшет тут же ожил и выдал уведомление DragonHeart:

«Публичное подтверждение пары повысило устойчивость нулевой связи на 18%. Хотите поделиться счастьем с близкими?»

— Нет, — сказала я.

— Нет, — одновременно сказал Чжэнь.

Экран мигнул с обидной бодростью:

«Общее отрицание зафиксировано. Хотите поделиться счастьем с близкими?»

— У вашего приложения проблемы с понятием «нет».

— Это уже не приложение, — ответил Чжэнь и посмотрел на красноватую линию у меня на запястье. — И именно это проблема.

Нить была почти невидимой. Только иногда переливалась, если рядом звучали слова «помолвка», «инвесторы» или «семья». Последнее я проверять не собиралась. Вселенная, как обычно, не прошла согласование.

Телефон Чжэня завибрировал. Он прочитал сообщение. Лицо у него не изменилось, но воздух вокруг стал прохладнее.

— Что-то случилось?

— Моя мать приглашает вас на семейный ужин.

— Простите, я пропустила релиз, где мы официально пара?

— Я тоже.

Он повернул экран. Госпожа Ли благодарила предков за то, что «молодые люди наконец перестали спорить с очевидным», и сообщала, что завтра вечером семья будет рада увидеть Милу, «раз уж дракон, совет директоров и рынок уже высказались».

Переводческий мозг на секунду завис. Смягчённой версии не существовало: в одном предложении действительно были предки, дракон, совет директоров, рынок и я.

— Откуда она узнала?

Чжэнь открыл корпоративный чат. Там уже висело наше фото с подписью: «Нулевая пара DragonHeart: когда технология встречает традицию». На снимке я выглядела как человек, которого внезапно продали в рекламную кампанию, а Чжэнь — как человек, который собирается подать на рекламную кампанию в суд, но сначала проверит формулировки.

— Я убью маркетинг, — сказал Чжэнь ровно.

— В порядке очереди. Сначала приложение, потом дракон, потом маркетинг. И где-то между ними мне нужно понять, что надеть к семье человека, с которым я не помолвлена, но чья мать уже благодарит предков.

— Вы не обязаны идти.

Нить на запястье тихо потеплела. Не больно — хуже. Убедительно.

— Это забота или попытка снизить юридический риск?

Чжэнь выдержал паузу.

— Оба варианта.

За стеклом Шанхай плыл в вечерней влажности: серые башни, мокрые улицы, огни, которые дрожали в стекле так, будто город тоже получил лишнее уведомление и не знал, как его закрыть. Чжэня втягивало не только как операционного директора DragonHeart, но и как сына семьи Ли. У этого слова — «семья» — в нити был отдельный оттенок: старый, тугой, с запахом шёлка, который так долго хранили в закрытом ящике.

Над столом поднялся пар.

— Заседание нулевой пары продолжается, — объявил Лун-Лун, собираясь в маленького дракона размером с важного кота. На груди у него проявился стикер: «Стажёр по счастью».

Ван Мэй даже не подняла глаз от таблицы.

— Нет.

— Финансовый хранитель, вы не ознакомились с повесткой.

— Ознакомилась. В повестке объяснение аудиторам, почему в серверной древний артефакт с пользовательским интерфейсом. Тебя в повестке нет.

— Именно поэтому я требую статус, — заявил Лун-Лун. — Должность, бейдж, миску лонганов и кресло. Вращающееся. С правом драматического разворота.

— Мы не можем выдать должность существу без паспорта, налогового номера и понятной формы ответственности, — сказала Ван Мэй.

— Я древний дух связи!

— В бухгалтерии нет такой строки.

Дракон обиженно выдохнул. На стекле запотел иероглиф, похожий на древнюю версию слова «обидно». Потом он щёлкнул когтем, и на моём телефоне открылось письмо.

Отправитель: Муниципальный отдел по управлению необычными городскими явлениями и культурно-технологическими объектами.

Тема: Запрос на классификацию сущности, проявляющейся в офисе DragonHeart Technologies.

Я прочитала первую строку и села. Мир, где городская бюрократия быстрее любви, требовал устойчивой опоры.

— Нам предлагают зарегистрировать дракона как животное-компаньона, программное обеспечение с автономным поведением, объект культурного наследия, рекламный интерактивный модуль или малую форму городской инфраструктуры.

Ван Мэй закрыла глаза.

— Малая форма городской инфраструктуры. Отлично. Поставим рядом с урнами.

— Я не урна. Я хранитель шёлковых обещаний.

Письмо просило описание кормления, режим обновлений, сведения о владельце, данные о возможной линьке и подтверждение, что дракон не оказывает брачных услуг без лицензии.

На последней фразе нить на моём запястье дёрнулась.

— Он оказывает? — спросила Ван Мэй.

Лун-Лун гордо прижал лапу к груди.

— Я оказываю древнюю навигационную поддержку сердцам, заблудшим в KPI одиночества.

— Значит, оказывает, — сказала Ван Мэй и открыла новую таблицу. — Нужна лицензия, отказ от ответственности и запрет на слово «навсегда» в рекламных материалах.

— В моих материалах нет рекламы. Только истина.

— Это худший вид рекламы, — сказала я.

Чжэнь взял мой телефон и стал тем самым Чжэнем, из-за которого сотрудники выпрямлялись, а дедлайны сами переносились на более удобные даты.

— Я подготовлю ответ. До классификации любые публичные упоминания Лун-Луна должны быть согласованы.

— Публичные упоминания? Нас уже согласовали как традицию, технологию и романтический прорыв.

— Поэтому нужно сократить ущерб.

— Начать с того, что сказать вашей матери правду?

Он посмотрел на меня поспешно и сразу отвёл взгляд.

— Это не снизит ущерб.

Вот оно. Не холодность. Шов. Старый узел, который он затягивал каждый раз, когда рядом появлялось слово «семья».

— Если завтра я приду к вашей семье как невеста, а мы даже не договорились, где познакомились, ваша мать заметит.

— Моя мать заметит, если в комнате поменять сорт чая.

— Тем более.

— Тогда мы договоримся.

— О легенде?

— О фактах, которые не противоречат текущей версии событий.

— У вас даже фиктивная помолвка звучит как приложение к договору.

— Это повышает надёжность.

— Это убивает романтику.

— Романтика сейчас является источником операционного риска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.